

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВАНТЮРА

Валерий Ефимов

Князь и мушкетеры

**Проклятое золото
храмовников**

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Валерий Елманов

Проклятое золото храмовников

«Крылов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Елманов В. И.

Проклятое золото храмовников / В. И. Елманов — «Крылов»,
2017 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0297-1

Двум российским операм, попавшим в XIV век, судьба подкидывает одну загадку за другой. Какова судьба детей города Гамельна и что за странная дудка была в руках крысолова, который увел их за собой? Куда подевалось золото тамплиеров, разыскиваемое по всей Европе святой инквизицией? Как избавиться от пыток испанку, объявленную еретичкой и злой ведьмой? И наконец, кто виновен в смерти сестры татарского хана Узбека, внезапно умершей в Твери? И на все это им предстоит найти ответы, причем срочно, а заодно подумать, как спасти от казни тверского князя Михаила Ярославича — единственного, кто достоин вывести Русь на бой с ордынскими полчищами.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0297-1

© Елманов В. И., 2017

© Крылов, 2017

Содержание

Пролог. Затишье перед бурей	7
Глава 1. Планы меняются	10
Глава 2. Любовь нечаянно нагрянет или Пророчества юрода	17
Глава 3. Обоюдное благородство и помощь психоаналитика	24
Глава 4. Гадание на картах, или Людоедство по-литовски	30
Глава 5. Третья степень устрашения	34
Глава 6. Тайна золотого ключика	40
Глава 7. За и против	46
Глава 8. Подготовка к допросу	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерий Елманов

Проклятое золото храмовников

© Елманов В., 2017

© ИК «Крылов», 2017

* * *

Памяти моего брата Александра Миленина посвящается...

Пролог. Затишье перед бурей

Петр проснулся резко, словно кто-то толкнул его в бок. Торопливо сев на своей постели, он с силой потер виски и застыл в раздумьях, но ненадолго. Спустя минуту он уже одевался, а когда поднялся Улан, обычно просыпавшийся гораздо раньше своего друга, тот уже сидел за столом и что-то сосредоточенно строчил на третьем по счету бумажном листе. Еще два, заполненные мелким убористым почерком, лежали на краю стола.

– Небывалое явление, – прокомментировал Улан. Вся канцелярская работа в их дуэте обычно возлагалась на его плечи. – Мой побратим-одессит Петр Сангре взял в руки перо. Самолично. Без многочасовых коленопреклоненных просьб. Без угроз и суровых санкций. Вот любопытно, ты с цепи сорвался или тебя муха укусила? И кому это ты решил с утра пораньше эпистолу отправить, тратя драгоценные листы?

– Зря что ли я цельную пачку у секретарей Гедимины позаимствовал? Вот и решил попользоваться. А чего это тебя на столь беспощадную самокритику потянуло? – рассеянно откликнулся Петр, продолжая что-то быстро строчить на бумаге, периодически макая перо в здоровенную чернильницу.

– На какую самокритику?

– Ну как же. Вон, про санкции заговорил, то есть решил себя вконец опозорить, на одну доску с Евросоюзом поставив, а у тебя, насколько я знаю, с мозгами все в порядке.

– Ты мне зубы не заговаривай. Лучше сразу колись, кому строчишь?

– Не кому, а что, – очень серьезно, почти торжественно поправил друга Петр. – Записки для потомков.

– И, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет, – понимающе кивнул Улан.

– Надо ж сообщить, как мы сюда попали, чтобы народ от болотного тумана предостеречь.

– Всенепременно, – преувеличенно серьезно согласился Улан, и посоветовал: – Только побольше страху нагони, чтоб прониклись. Как там... – он ненадолго задумался, припоминая, и завывающим голосом произнес: – Сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото, именуемое Красный мох, особенно когда на него спускается туман и силы зла властвуют безраздельно.

– Это твой баскервильский шутка, да? – мрачно поинтересовался Сангре. Улан кивнул. – Хорошо, я обязательно сделаю ха-ха в твою сторону, но таки потом, когда допишу. Кстати, имей в виду: строчу я в первый и последний раз. Это твои музыкальные пальцы созданы для сюрикенов и гусиных перьев, а мои совсем для другого: сабля, меч, копье, арбалет, на худой конец нож и в крайнем случае кузнечный молот. Ферштейн?

– Нихт, – не согласился Улан, бегло проглядывая исписанные листы, и пояснил: – Как я вижу, мне добавлять-то уже нечего – ты все успел написать. И про то, как мы сюда попали, угодив в туман на болоте, и про то, как нас по пути медведь чуть не загрыз, и как меня выходила местная деревенская знахарка Заряница, и как я позже по незнанию показал дорогу убегающему от тверичей московскому князю Юрию Даниловичу, и как нас за это чуть не повесил Дмитрий. Кстати, рекомендую указать, что он – сын тверского князя Михаила Ярославича и возглавлял погоню за Юрием, а то читателю будет непонятно. А почему ты не написал, что мы не просто развернулись и поехали на Запад, а вынуждены были это сделать, чтобы нас не прикончили по приказу озлившегося тверского боярина Ивана Акинфича? А озлился он за то, что я выиграл у него «божий суд», а если проще, то победил в рукопашном бою без правил. И про то, как мы его в заложники взяли, промолчал, и про то, как напугали божьей карой, чтобы он нас не преследовал, тоже упустил.

– Критиковать легко, – буркнул Сангре. – Вот взял бы сам и написал.

– Ну почему ж только критиковать, – добродушно возразил Улан. – Дальше у тебя все нормально идет, даже здорово. И как мы на святилище литовское напоролись, рыцарями разоряемое, и как крестоносцев валили, и как по просьбе Кейстута организовали для литвинов взятие тевтонского замка, – он бегло пробежал глазами по остатку текста и похвалил друга. – А про Римгайлу вообще очень деликатно написано. Согласилась не отнимать у нас пленных, потому как добра душой, ибо является жрицей богини любви. И никаких подробностей про твой тяжкий труд, из-за коего она и подобрела.

– Смеешься, – проворчал порозовевший от смущения Сангре.

– Да нет, наоборот, восхищаюсь твоей скромностью. И насчет выкупа за пленных крестоносцев ты тоже всю правду написал, не утаил, что лопухнулись мы и фальшивые гривны у монахов взяли. Кстати, а почему ты не указал, что бывшего тамплиера крестоносца Бонифация инквизиторы выкупали у нас из плена только для того, чтобы подвергнуть парня жестоким пыткам, выведывая у него невесть какие тайны? И про его кузину Изабеллу тоже ни слова. А ведь с нею еще больше загадок связано. Коль она, узнав про то, что Бонифация собрались выкупать инквизиторы, настоятельно просила нас отказать им, суля заплатить за своего двоюродного братца втрое больше, значит, знала, что с ним сотворят. Откуда? И почему у нее три года назад вдруг возникло желание поменять постоянное место жительства. И ладно бы она переехала из Испании куда-нибудь во Францию или в Англию, а то ж в Галицко-Волынские земли. Вообще-то местечко не из тихих.

– Ты сам и ответил, – пожал плечами Сангре. – Потому и не упоминал, что пока у нас сплошные вопросы, а они потомку-читателю без ответов не нужны. Вот выясним, тогда и... Кстати, напomini-ка, во сколько именно у нас договорено с нею встретиться?

– Завтра в полдень, – быстро ответил Улан и, выглянув в маленькое слюдяное окошко, заметил: – Вообще-то лучше бы нам сегодня туда заранее наведаться, чтобы завтра точно знать, где тот постоянный двор и сколько до него отсюда добираться.

– Да мы и так не заплутаем. Вспомни, что Кейстут сказал. На окраине города, на дороге, ведущей к Владимиру-Волынскому. Ничего, – отмахнулся Петр, – авось Берестье – городок маленький, не думаю, что постоянных дворов там много. Скорее всего, он вообще один-единственный, влет найдем. Так что лучше всего вначале заняться поиском специалиста по фальшаку, а то как бы опять чего не вышло...

– Сами управимся, – досадливо отмахнулся Улан. – Разломаем и увидим.

– Это если она заплатит нам за своего двоюродного братца гривнами, – хмуро возразил Петр. – А если в ее флоринах или дукатах золота меньше чем меди, тогда как? Я, например, в подобного рода сплавах дуб дубом, а наступать второй раз подряд на те же самые грабли желания не испытываю.

– Сам же сказал, что городок маленький, – успокоил Улан, – так что и постоянный двор найдем, и какого-нибудь менялу отыскать успеем. И вообще, ты, по-моему, совсем не о том беспокоишься и ставишь телегу впереди лошади.

– В смысле?

– Ну-у, пока неизвестны ни окончательная сумма выкупа, ни в какой валюте она ее выплатит, не говоря уж о том, когда и где. Вот прояснится ситуация, тогда и станем думать, как проверить ее монеты на подлинность. А сейчас, учитывая ее горячую письменную мольбу не продавать кузена, ясно лишь, что сам выкуп у нас почти в кармане. Но и то *почти*, – повторил Улан, сделав нажим на это слово.

– Перебираешь ты с осторожностью, – возразил Петр. – Не забудь, ее прежнюю обеспокоенность сегодня надо помножить как минимум на десять. Не зря ж мы продемонстрировали ее гонцу, в каком состоянии нынче ее братишка. Значит, она может привезти выкуп прямо с собой и рассчитаться с нами уже завтра. Кстати, у меня ощущение, что у нее именно такое намерение. Получается, желательно быть готовыми ко всему.

– Твоими бы устами... – задумчиво протянул Улан. – Но мне отчего-то кажется, что не все так легко и просто.

– Мнительный ты стал, Сидор, – посетовал Петр, постаравшись скопировать голос атамана батьки Бурнаша. – Ой, мнительный. Уже и мне не веришь, а зря, ибо коль твой закадычный старинный друг говорит, что ныне у нас казачок точно не засланный, то...

Закончить свою мысль он не успел: дверь скрипнула, открываясь, и в проеме возник хозяин хором и наместник князя Давыда в Берестье воевода Олелько. Большой и грузный, с красноватым от мороза лицом, он, тяжело отдуваясь, произнес:

– Вот стало быть решил самолично позвать вас на трапезу.

– Это дело, – одобрил Улан, а Сангре, не удержавшись, добавил:

– Как говорили древние греки в Нижнем Тагиле, утреннюю пайку схавай сам, обеденную шамовку подели с корефаном, а ужин засунь в хлебало своего врага – пусть подавится, падла.

Лицо воеводы вытянулось от удивления – вроде бы по-русски сказано, но ничего не понятно, и Сангре, сжалившись, воспроизвел фразу вторично, но изрядно сократив ее за счет специфических терминов. Олелько тут же согласно закивал, расплылся в улыбке и они все вместе подались вниз по неимоверно скрипучей лестнице, где их уже поджидал богато накрытый стол и сидящий за ним любимец кунигаса Гедимины городненский князь Давыд.

– Завтракать стоит хотя бы для того, чтобы не терзаться мыслями о навсегда покинутом нами двадцать первом веке, но с самого утра убедиться в неких ароматных, вкуснящих и экологически чистых преимуществах средневековья, – негромко заметил Сангре, усаживаясь на лавку и хищно оглядывая содержимое здоровенных блюд, выбирая, с чего начать.

И ни он, ни сидящий рядом с ним Улан, даже не подозревали, что отведенная им судьбой передышка от приключений, и без того маленькая, всего в несколько дней, почти на исходе...

Глава 1. Планы меняются

Планы на сегодняшний день у друзей были скромные – можно сказать, крошечные. Всего-то и надо было: посмотреть, где расположен постоянный двор, определенный для завтрашной встречи, да заглянуть, по настоянию Петра, к местному предку будущих банкиров. Да к тому же его меняльная лавка, как подсказал воевода Олелько, находилась в том самом посаде, что и постоянный двор, получалось. Как выразился Сангре: «Одним маршрутом уьем сразу двух зайцев».

Правда Олелько предостерег, что меняла Монька – тот еще гусь.

– Как я понимаю, Монька – это Мойша, в смысле Моисей? – подвел итог Сангре и, получив подтверждение от Олелько, укоризненно протянул: – Ну и что ж вы так на него наехали? Учитывая, что князь Владимир Мономах вытурил их всех из Руси, этот... гм, гм... представитель избранного богом народа скорее всего один из самых последних, а может, вообще единственный. Так сказать, уникам.

– Ничего он не кум, – проворчал Олелько. – Мономах-то, может, их и выгнал, зато Даниил Романович сызнава на своих землях принял.

– О как! – удивился Петр. – Сам князь Галицкий! А чего это он их так возлюбил-то?

– Да он всех возлюбил: и немцев, и ляхов, и даже фрягов на свои земли зазывал. Деваться-то некуда: половину людишек татаровья побили, – и его недобрый взгляд скользнул по Улану, – а остатнюю половину они же в полон забрали, и как ему быть? Тут и черта возлюбишь, не то что... Само собой и леготы всякие сулил, чтоб соблазн был, а жида¹, про леготы услышавши, тоже вслед за прочими подались. Ну а братец князя Даниила, Василько Романович, недолго думая, тако же на Волини поступил. Вот с тех самых пор они тут и обретаются... Нет, когда Гедимин эти земли под свою длань принял, кой-кто уехал, а вот ныне, убедившись, что им ничего не грозит, сызнава возвращаются. Хотя с другой стороны взять, господь и жидов манной кормил. Это я к тому, что и от них польза изрядная случается, особенно ежели на торжище к волинянам ехать и надобно деньгу поменять, али вовсе ее нету, а нужна дозарезу. Дерет он, конечно, много, зато завсегда помогает, без отказу. А что реза² излиха велика, так тут сам мысли: осилишь ее али нет.

– С жидом дружись, а за топор держись, – вновь встрял князь Давыд и, лукаво улыбнувшись в свои длинные пшеничные усы, подсказал друзьям. – А к Бутрыму вам лучше попозже заглянуть, когда гусяры с дудошниками играть начинают. И ежели девок сладеньких возжаждется – с оным тоже под вечер. А до того я вас могу округ града провезть, – покажу, сколь велико пожгли тут с прошлого лета, да сколь ныне сызнава возвели. А там как знать – глядишь и присоветуете нам с воеводой чего-нито.

Кое-как отбаявшись от князя с его назойливыми предложениями составить компанию, друзья отправились на прогулку, как и хотели, то есть инкогнито. Причину этого изложил Сангре. Мол, с Монькой-Мойшей лучше всего договариваться, будучи одетыми во что-нибудь попроще, – меньше дерет за свои услуги. Да и сопровождающие такие тоже лишь во вред. А вот перед Изабеллой наоборот, в затрапезной одежке светиться нельзя и потому они сегодня лишь аккуратно разведуют, успела она прикатить в Берестье или нет.

– А при чем тут наш вид? – равнодушно пожал плечами Улан, услышав рассуждения друга. – Мы же не свататься приехали, а торговаться с нею.

¹ Жид – древнее общеславянское название еврея, существовавшее в русских летописях и даже в русском законодательстве до конца XVIII века и не носившее обидного смысла, означая лишь национальность. Презрительной кличкой это слово стало лишь в XIX веке

² Реза – процент.

– Не скажи, – усмехнулся Сангре. – Когда продавец нарядно одет, у покупателя язык не повернется слишком сильно цену на его товар скидывать. Герцогу можно и сто тысяч заплатить, а мужику и десятку отдать жалко. Так что появимся перед нею завтра в нарядных кафтанах из аксамита с позолотой, не зря ж с собой брали, и вообще все такие из себя, фу ты ну ты.

По той же причине – сохранение инкогнито – они не стали брать с собой никого из воинов, ограничившись одним Яцко – толмач всегда может понадобиться. Четвертым был слуга-проводжатый от воеводы Олелько.

Как выяснилось спустя всего четверть часа, они бы преспокойно нашли постоянный двор и сами, ибо ошибиться было невозможно. Мало того, что он на дороге во Владимир-Волынский действительно был один, так вдобавок украшен грубо намалеванной вывеской, изображающей мужика с увесистой кружкой в одной руке и здоровенной пороссячей ногой в другой.

С минуту Сангре разглядывал рисунок и, скривившись, презрительно прокомментировал:

– Колорит а ля русс! Или правильнее сказать, укроп, а? – оглянулся он на Улана. Тот пожал плечами. – Короче, стремная бodega³: сплошное убожество и никакого художества... – подвел он безапелляционный итог и буркнул: – Ладно, поехали, потолкуем с менялой...

– Может, для начала сюда заглянем, – предложил Улан.

Сангре покосился на мрачного черного цвета глухой возок с крохотными слюдяными окошками, стоящий подле забора, и покачал головой:

– Скорее всего, это прикатила Изабелла, а раз карету еще не успели загнать вглубь двора, значит, прикатила совсем недавно и напороться на нее в таком виде... Мы с тобой еще куда ни шло, хотя далеко не комильфо, Яцко худо-бедно сойдет, но слуга у Олелько – босота босотой. Лучше потом заглянем, когда он нам покажет лавку менялы и можно будет отпустить его обратно к воеводе, а дамочка пока пускай обустраивается, не будем мешать.

– Давай потом, – равнодушно согласился Улан, которому, в общем-то, было все равно.

Договориться с Моше бен Узизлем Петру удалось довольно-таки быстро, всего за какой-то час. И добрую половину этого времени Улан с трудом удерживался от смеха – уж очень живописным выглядел торг. Стороны то расходились, то сходились снова, хлопали друг друга по рукам, трясли их, дружелюбно улыбаясь друг другу, а спустя минуту готовы были расплываться и решительно расстаться, причем бесповоротно. Во всяком случае, внешне все выглядело именно так.

Впрочем, что там торг, когда одна сцена появления Сангре стоила весьма дорогого.

– Ба-а, глазам не верю, неужто это сам Моисей в своем знаменитом лапсердаке! – с самого порога заорал Петр. Широко распахнув объятия, он стремительно ринулся обниматься с опешившим от такого напора весьма скромно одетым хозяином, сидевшим за обычным деревянным столом, правда, покрытым суконной скатертью. – Боже, какие у тебя пейсы! Это ж мечта антисемита, – тиская хозяина, не переставал восторгаться он.

Что до результата самих торгов, то тут в очередной раз сказалось мастерство одессита, помноженное на практический опыт прогулок по Привозу. Моше, коего Сангре под конец переговоров называл попросту Моня, а то и вовсе Узилич, уступил три четверти из запрашиваемого поначалу. Взиравший под конец переговоров на Петра с явным уважением, он даже согласился взять с них позже за обычный обмен серебра на золото – буде таковой потребуется – половинный процент вместо обычного.

Довольный итогами Сангре, выйдя на крыльцо дома, блаженно зажмурился от светившего почти в глаза солнца и весело подмигнул Улану, не забыв пожаловаться на Мойшу:

³ Бodega – трактир, корчма. Так первоначально называли в Одессе подвальные трактиры, пивные (от испанского слова *bodega* – «подвал, винный склад»).

– О, вэйз мир! Хватка такая, что бультерьер отдыхает. Но зато словно в родной Одессе побывал. Жаль, ненадолго. Теперь можно всей святой троицей к Бутрым.

Троицей, поскольку еще до того, как зайти к меняле, Сангре отпустил слугу Олелько обратно к воеводе, велел передать, чтоб к обеду их не ждал, а появятся они ближе к вечеру, не раньше. Действительно, очередной зимний денек выдался столь погожим и приветливым, что не воспользоваться чудесной погодкой, прогулявшись в объезд всего Берестья, было бы просто грешно.

Дорога от дома Мойши до постоянного двора была короткой – всего сотня метров. Как успел заметить Сангре, стоявший близ ворот черный возок уже исчез – очевидно, кучер или ямщик успел загнать его вглубь двора.

Спешившись и оставив Яцко привязывать коней, Сангре поморщился от истошного визга свиньи, доносившегося откуда-то из глубины двора – не иначе как резали – и заметил другу:

– Слушай, надо как-нибудь на досуге обучить местных жителей корриде.

– Зачем? – удивился тот.

– А что, прикольно. Прикинь, украинский тореадор с копьем против кабана. Пускай свиньи хоть помрут красиво.

– Так ты имел ввиду не быков?

Петр вздохнул:

– Уланчик, ну сколько можно говорить – одесситы никогда не повторяются... – он подумал и уточнил, – почти никогда, но если и да, то исключительно за необходимость успеха дела. Опять же и свинина куда вкуснее, чем говядина. А если местные идиёты в своих учебниках истории через семьсот лет напишут, что коррида существовала у них со времен динозавров и лишь потом ее у них сперли испанцы, гнусно переделав – таки пусть пишут, бо мне не жалко.

С этими словами он отворил скрипучую дверь и шагнул вовнутрь. Время было неурочное, и посетители отсутствовали, а потому все пять здоровенных столов, рассчитанных каждый на десяток человек, не меньше, пока пустовали. Недолго думая, Сангре, плюхнулся на ближайшую лавку, и, поморщившись, уставился на не слишком чистый стол.

– Вот такие трактиры и являются самыми злостными разносчиками гастритов и... прочих венерических заболеваний, – вполголоса заметил он Улану.

Хозяин по имени Бутрым, плешивый толстяк с оттопыренными ушами, уныло протиравший стойку, наметанным глазом вмиг определил, что путники прибыли издалека, моментально преобразился и хлопотал подле них.

– А что, отец, невесты в этом городе имеются? – небрежно осведомился у него Петр, приглаживая черные густые усы и небольшую бородку. Отращивать их, решительно завязав с бритьем, он начал чуть ли не с самого первого дня пребывания в Липневке.

Бутрым бессмертного творения Ильфа и Петрова не читал, мудрого ответа дворника Федора «Кому и кобыла – невеста» не знал, и всерьез призадумался насчет наличия невест в Берестье, почтительно поинтересовавшись, какие именно требуются. Получив уточнение «чтоб была непременно из благородного боярского, а лучше княжеского рода, толстая и красивая», он призадумался еще сильнее, но, к превеликому удивлению Сангре, довольно-таки скоро подыскал подходящий вариант.

Мол, остановилась у него одна такая вчера вечером и он, Бутрым, ей две свои самые лучшие комнаты сдал. Насчет толщины, правда, не совсем того, не разглядеть в шубах, а трапезничала она в своей светлице. Но ежели она и не из княжеского рода, то из боярского точно. Чай одних холопей трое – девка и два мужика, а сундуков и вовсе не счесть. Словом, благородная. Но тут же, спохватившись, досадливо хлопнул себя по лбу.

– Да что я толкую – ее уже нет.

– Ну вот, не успело выпасть счастье, как тут же куда-то закатилось, – посетовал Петр. – Ну, ничего, погуляет, променад справит, а к вечеру...

Бутрым развел руками:

– Это навряд ли. И что б тебе было поране сюда заглянуть. Как раз застал бы, – посетовал он. – А теперь она укатила и даже уплоченное за три дня постоя не забрала. Правда, она холопей своих тут пока оставила, но сказывала, что и они к вечеру непременно съедут.

Сангре пропустив мимо ушей упоминание о задержавшихся холопах, недоуменно уставился на хозяина.

– Погоди, погоди. Так она получается совсем укатила? Как?!

– Известно как, – развел тот руками. – В возке. Даже потрапезничать вдругорядь отказалась. Видать торопилась шибко, али успела встретиться с кем надо...

– А с кем надо? – вкрадчиво осведомился Петр.

– С монахами. Те за нею приехали, и она вместе с ними того.

Друзья переглянулись.

– А ты ничего не путаешь? Может, она погулять с ними вышла, на город посмотреть, – предположил Улан.

– Нешто с сундуками гуляют, – насмешливо хмыкнул Бутрым.

– С какими сундуками?

– Обнаковенными, кои она с собой привезла, – пожал плечами корчмарь. – Одежи-то благородные люди берут с собой в дорогу много, чтоб каждый день в ином щеголять, а куда их складывать в пути? Потому и сундуки. Мои сыны их таскали, да к возку привязывали, а опосля и она сама вышла.

– Кажется, плакали наши денежки, – хмыкнул Улан. Сангре согласно кивнул:

– Причем горячими слезами. Мда-а, спокойной ночи, барыши... Ну и шустры эти брахманы. Никакой солидности. Приехали, уболтали и увезли. Ну да ладно, и на старуху может упасть проруха. Придется распрощаться со святой идеей полузаконного накопления денежных знаков. Хотя... Что-то не по душе мне ее скоропалительный отъезд. Надо бы потолковать со слугами. Хоть выясним, что за причина у нее образовалась для такой поспешности. А может она письмишко для нас оставила. Давай, веди, Сусанин.

Поднявшись вместе с гостями наверх по скрипучей лестнице, Бутрым постучал в одну из дверей. Никто не ответил. Хозяин постучал сильнее. Вновь тишина.

– Заснули поди, – пробормотал себе под нос Бутрым и послал молодого паренька с такими же ушами-лопухами, за ключами. – А ежели бояре остановиться у меня пожелают, могу заодно ту комнату показать, где госпожа ночевала, – торопливо предложил он, указывая на дверь напротив. – Сейчас, токмо сынок мой с ключами вернется, я вам ее и открою.

– Так она у тебя вроде и не заперта, – хмыкнул наблюдательный Улан.

Он приоткрыл дверь, но, едва заглянув вовнутрь, удивленно присвистнул.

– Мда-а, – согласился следовавший за ним Петр. – Просто неопишимо, как сказала собака, оглядывая баобаба. Сразу видно, и впрямь из благородных. У простых людей на такое буйство фантазии ни за что бы не хватило.

– А я что говорил, – гордо выпалил Бутрым, вслед за ними шагнув в комнату. – Сплошь благовония и...

Продолжить он не смог – осекся, увидев, что творится внутри.

– Как Мамай прошел, – прокомментировал Улан, задумчиво разглядывая густо усеявший пол пух от вспоротых подушек и перин, перевернутую разломанную кровать с выпотрошенным тюфяком, и все остальное, пребывавшее в столь же плачевном состоянии.

– В обнимку с Гитлером и Наполеоном, – добавил Сангре. – Картина Репина: Ирак после пендосной бомбежки. Или Белград. Или...

– Да что же это?! Да как же?! А с виду приличная госпожа! – запричитал Бутрым.

– Госпожа-то приличная, – согласился Петр, – зато монахи... Я так понимаю, они что-то искали у нее, – повернулся он к другу.

– И не нашли, – подхватил тот, – иначе не стали бы искать дальше, а перевернуто абсолютно все, – он неспешно прошелся по небольшой комнате, оценивая погром, добавив: – И сдается, интересовало их явно не золото с серебром.

– Почему? – не выдержал помалкивавший до сих пор Яцко. – Вдруг решили, будто она его в перину сунула и зашила.

– Тогда было бы достаточно ее встряхнуть, – добродушно пояснил Улан. – Значит, искали...

– Документ, – подхватил Сангре. – Притом небольшой по размеру, который можно засунуть куда угодно.

– Ну, они мне за все заплатят! – разъярился Бутрым и, опрометью метнувшись в коридор, принялся ломиться в дверь напротив.

Открывать ему не спешили, но подоспел лопоухий парень и протянул ему связку ключей. Едва хозяин распахнул дверь, как застыл на месте и тоненько, по-заячьи, взвизгнул.

– Во, во, – указал он дрожащим пальцем куда-то вбок.

– Оцым-поцым, двадцать восемь. Это уже не Белград. Это больше смахивает на тяжкий труд пендосов над Хиросимой... – пробормотал Петр, завидя два трупа, и один из них при жизни был слегка знаком друзьям.

Лежащего на полу бывшего гонца Мануэля, судя по тому, что он не успел повернуться лицом к непрошенным гостям, застали врасплох. В спине торчала арбалетная стрела, но умер он не от нее. Раненого успели подвергнуть пытке – обнаженное до пояса тело оказалось сплошь в мелких порезах и ожогах. А под конец бывшего гонца попросту прирезали, всадив прямо в сердце какую-то пику. Яцко потянулся к ней, но Петр остановил его, предупредив:

– Не трогай. Могут быть отпечатки, – и досадливо поморщился, вспомнив, в каком веке он находится.

Он смущенно покосился на друга, но тот никак не отреагировал на его промах, продолжая внимательно осматривать комнату.

– Не иначе как монахи расстарались. То-то они в черном были, – прорезался голос у Бутрыма. – Точно, точно, боле некому. Они ж когда вчетвером вышли – госпожа с холопкой и двое монахов по бокам, – госпожа и говорит, так, мол, и так, остальные мои слуги до вечера здесь пробудут, но опосля полудня непременно загляни к ним и накорми. И подмигнула, – вспомнил он после паузы и взвыл, хватаясь за голову. – Эх, мне б враз догадаться, чего она мне мигает! А сама вся бледная, на лице ни кровинки. Тож она на ентих бисовых сынов мигала, – он осекся и, повернувшись к друзьям, зловещим шепотом выдохнул. – Так це ж поди и не монахи вовсе были, а дидьки⁴. Ей, ей, дидьки, больше некому.

– А как выглядели дидьки? – полюбопытствовал Улан и, выслушав корчмаря и задав пару уточняющих вопросов, вновь присвистнул. – Слушай, Дон, сдается, это наши старые знакомые. Во всяком случае один из монахов – точно. Это ж фра Луис. Помнишь, толстый такой. Он на переговорах возле фра Пруденте стоял.

– А второй, получается, сам напрудивший?

– Да нет, по описанию не похож. Но фра Луис точно здесь побывал. Нос аки копье – его принадлежность.

– Нос – это да, помню. С ним-то он нас и оставил, – уныло констатировал Петр. – Печально. Чтобы нас дважды подряд надули одни и те же гаврики – такого раньше отродясь не бывало. Стареем что ли, а? – и он грустно посмотрел на друга.

– Скорее расслабились, – нашел тот более приемлемое пояснение.

– Может, и так. И утешает одно: кажется, донья Изабелла чуточку отомстила за нас, ибо судя по погрому, они и здесь ничего не нашли, – он встал и прошелся по комнате, разглядывая

⁴ Дидько – так на Украине и в Белоруссии с давних пор называют черта.

учиненный погром и еде слышно напевая себе под нос: – Там женщина стояла двадцати пяти лет и слабо отбивалась от кого-то. А инквизитор в рясе мял на ней туалет... – он склонился над телом худого седовласого пожилого мужчины с разбитой головой, лежащего в дальнем углу, приложил пальцы к горлу и удивленно протянул: – Слушай, а ведь мужик-то жив. Пульс есть, значит... – и, не договорив, скомандовал хозяину. – Тазик с горячей водой и тряпки сюда – живо!

Корчмарь живо метнулся в коридор.

– Сейчас он нам и расскажет, что именно они искали, – задумчиво протянул присевший на корточки подле тела Улан.

– Раньше вечера навряд ли, – хмыкнул Петр, – а тут каждая минута дорога, – он попробовал осторожно вынуть нечто металлическое, крепко зажатое в левой руке седовласого, но не смог, и пожаловался: – Надо ж как вцепился.

– Да оставь ты его в покое, не до того сейчас, – махнул рукой Улан.

– А вдруг это и есть ключик, только серебряный, – шутливо предположил Сангре, но больше попыток вынуть из руки вещьцу предпринимать не стал – и впрямь не до того.

– Все чичас принесут, – доложил появившийся в дверном проеме Бутрым. – У меня стряпуха по таким делам знатная мастерица, и ежели...

– Когда, говоришь, эти дидки уехали? – перебил его Сангре.

– Да прямо перед вами, трясца их... – выругался хозяин.

– Возок, что стоял у дома! – повернулся Петр к другу.

– И я о нем подумал, – кивнул тот.

– Эх, надо было мне тебя послушаться и вначале сюда зайти, – вздохнул Сангре и вновь обратился к хозяину. – А в какую сторону они подались?

– Да тут одна дорога, во Владимир-Волынский, – пожал плечами Бутрым.

– Уже легче. Есть шанс, – кивнул Петр.

– Не вздумай! – вскинулся Улан, тревожно глядя на друга, полыхавшего азартом. – Не стоит она того.

– Э-э, нет, – уперся Сангре. – Лично она может и не стоит, но суровый солдатский долг неумолимо зовёт меня в последний и решительный бой за личное обогащение. А кроме того, мне попросту надоело, что наша с тобой жизнь в последнее время все больше напоминает набор одних и тех же пазлов.

– В смысле?

– В смысле, сколько ни собирай картинку, в результате получается красивый кукиш, – он криво ухмыльнулся. – И потом, *нам... здесь... жить...* Часом не припомнишь, кто это говорил? А раз так, то ответь, на что нам строить хороший дом, чтобы достойно встретить старость? Молчишь? То-то. Да и не могли они далеко ускакать, перехватим, – он решительно поднялся и направился к лестнице.

Улан тяжело вздохнул и рванулся следом. Он успел догнать друга лишь во дворе, когда тот уже взгромоздился на свою лошадку. Перехватив поводья, Улан спросил:

– Знаешь, чем отличается умный от глупого? Умный человек иногда торопится, но ничего не делает второпях. Давай вначале все прикинем. Авось пять минут ничего не решат.

– Так ведь умная голова не всякому по плечу! – улыбнулся Сангре. – А про пять минут ты не прав. Граница недалеко, не забыл? Если пересекут, пиши пропало.

– Да у нас и оружия с собой никакого.

– А засапожники?

– Всего два.

Петр иронично хмыкнул.

– После двух наших бросков в живых останется от силы один монах. Неужто мы вдвоем с единственным божьим человеком не управимся?

– Если сначала делать, а потом думать, то лучше вообще не думать, – проворчал Улан, но, видя, что Сангре не остановить (завелся не на шутку), он птицей взлетел на своего коня и с тяжелым вздохом сообщил:

– Ты ненормальный!

– Тоже мне новость! – фыркнул Петр. – Но ты пойми – тут вопрос принципа. Тебе не надоело, что эти заразы постоянно суют свои корявые палки в колеса нашего замечательного «Форда»? А мне их шахеры-махеры уже поперек горла. Значит... вперед, – и он толкнул каблуками в бока коня, первым вылетев за ворота.

Его друг зло сплюнул. Но не оставлять же сумасшедшего одного! И он устремился следом. Но прежде отправил выскочившего во двор Яцко за остальным десятком, строго-настрого наказав ему не мешкать и как можно быстрее догнать их.

Глава 2. Любовь нечаянно нагрянет или Пророчества юрода

Настичь возок с украденной из-под самого носа потенциальной покупательницей удалось примерно через полтора-два часа. Трудно сказать, успели они пересечь к тому времени границу Литвы или оставались в ее пределах, да Петр и не забивал себе голову подобными тонкостями. Обогнав возок и перегородив дорогу, он красноречиво махнул рукой сидящему на козлах монаху, давая понять, что дальнейший путь перекрыт.

– Гуд монин, святой отец, – весело заорал он. – Все, приехали. А ведь я предупреждал, что не стоит бегать от российского опера – умрешь уставшим, и все. А теперь я попрошу твое небесное сиятельство развернуть салазки, дабы возвратиться и в мирной обстановке обговорить за кое-какие мирские проблемы! – и прикрикнул на сидящего. – Ну ты чего? Нихт ферштейн?

Тот согласно кивнул, но разворачиваться не стал, вместо того выглянув назад. Убедившись, что в погоне за ними участвовало всего-то два всадника, он, не отрывая взгляда от Сангре, полез рукой куда-то вниз, под облучок. Если бы Петр вовремя не пригнулся, тяжелый болт, выпущенный из арбалета, непременно вошел бы в него, да и так просвистел в опасной близости.

– А теперь, дядя, — сквозь зубы процедил посерьезневший Петр, — как говаривал пушкинский Сильвио, выстрел за мной, – и он потянулся к своему ножу, но извлечь его не успел. Сидевший в возке второй монах словно дожидался его слов, моментально вынырнул наружу, расплывшись в очередной умиленной, но фальшивой улыбке. Бутрым верно описал его приметы, поскольку им действительно оказался знакомый друзьям по недавним переговорам фразеолог Луис Эспиноса.

– Ба-а, – искренне возликовал Сангре, завидя его и краем глаза контролируя неудачливого стрелка, чтобы тот не начал перезаряжать свой арбалет. – И ты тут, фрак кургузый, зипун драный! И даже, как я погляжу, успел обзавестись не только своим собственным кэбом, но и личным кучером, он же секьюрити. Ну-ну, как я посмотрю, достаток некоторых представителей монашеских орденов растет прямо-таки на глазах обалдевших обывателей. Однако к делу. Считаю, что ныне вдобавок к кучеру ты заполучил еще и своих личных констеблей, прибывших за тобой прямиком из Скотленд-ярда. Посему забудь за Лондон, ибо до резервации беглых русских олигархов тебе нынче не добраться, и Челси завтра сыграет с Манчестер Юнайтед без... – и взвыл, не договорив, ибо сидевший на козлах, воспользовавшись тем, что Петр отвлекся, бросил в него нож.

По счастью, чуть ли не в самый последний момент Сангре, уловив его резкое движение, успел уклониться, и сталь лишь пропорола ему левый рукав полушубка. Но в тот миг метко запущенная Уланом шестигранная звездочка сюрикэна впился ему прямо в горло и тот, захрипев, сполз с облучка, обливаясь кровью.

– Вот так, дядя, – назидательно буркнул Петр, обращаясь к Эспиносе, и поинтересовался: – Кстати, где твой главный пинжак? Или он от страха напрудил и стесняется высушиться? – Ответом послужило молчание, но оно не смутило Сангре. – Уланчик, ну-ка загляни, проверь, только осторожно – бо при виде тебя они решили, будто стали Пересветами и Ослябями. А ты мне, чужерод, пока поведай, кто из вас кончал слуг доньи Изабеллы: ты или этот гаврик? – небрежно кивнул он на застывшего на козлах покойника. – Ах да, – спохватился он. – Совсем забыл, что ты в русском языке ни в зуб ногой. Ну хорошо, Уланчик тебе сейчас пере... – он оглянулся на друга и осекся на полуслове.

Таким Сангре его не видел ни разу в жизни. Обычно невозмутимый, хладнокровный как удав («Недаром твое имя начинается на ту же букву», – любил шутить Петр), на сей раз Улан был прямой противоположностью самому себе. Красный, чуть ли не багровый, он застыл как столб, судорожно вцепившись в ручку открытой дверцы возка, словно опасаясь упасть, если отпустит ее.

– Что, еще один покойник? – нахмурился Сангре, направив к возку своего коня. – Да вроде бы нет, – пробормотал он, заглянув вовнутрь. – Жаль, напрудившего перца не видать, но зато мисс Хадсон в наличии, а это куда важнее. Честь имею, донья Изабелла, – небрежно кивнул он сидевшей в возке даме, толком даже не разглядев ее, но заметил еще одну, сидевшую чуть дальше, и моментально понял, что ошибся.

Дело было не в одежде, хотя, разумеется, у второй она выглядела гораздо богаче и дороже. Достаточно было увидеть ее лицо, и сразу становилось ясно, что именно она – донья Изабелла де...

Сангре наморщил лоб, старательно припоминая фамилию, которую не раз называл ему Бонифаций, но понял, что это бесполезно. Разве что Улан мог бы помочь с подсказкой. Он вновь перевел взгляд на друга, продолжавшего оцепенело таращиться на Изабеллу, укоризненно покачивая головой, пробормотал вполголоса «Нашел время!» и, махнув рукой, повернулся к фра Луису, деловито распорядившись:

– Значит так, сидай сюда, смокинг хренов, – указал он на облучок. – И будешь править, куда я скажу, то бишь обратно в Берестье. Корешка своего не выбрасывай – он нам стодится в процессе опознания. Мы сопровождаем по бокам, – и он, набрав в рот воздуха, рывкнул что есть мочи, пытаясь вывести друга из ступора. – Ула-ан!

Ага, помогло, очнулся. Петр удовлетворенно улыбнулся. Правда, взгляд друга оставался таким же растерянным и чуть ли не жалобным, ну да пес с ним, со взглядом.

– Едем, милый, едем! – поторопил его Сангре.

Он повернул коня, бросил случайный взгляд в сторону темневшего далеко впереди леса и похолодел, разглядев вынырнувших из него несколько десятков всадников.

– Это кто ж такие? – недоуменно протянул он. – Местные Робин Гуды что ли? А к нам чего? Дань за проезд через Шервудский лес? Так у нас перстень Ноттингемского шерифа имеется. Или...

И тут его осенило, что они могут находиться уже в волынских землях, где перстень Гедимины навряд ли имеет силу. А учитывая весьма неприязненные отношения обоих правителей с кунигасом Литвы, вплоть до военного союза с его прямыми врагами, беспристрастного отношения ожидать не следует. Скорее наоборот, особенно с учетом имеющегося покойника и соответствующих показаний второго монаха. Словом, формальный повод зачислить их в разбойники имеется.

– Уланчик, гадам буду, если это не корешки монахов! – истошно заорал он.

– Кто? – рассеянно переспросил тот.

– Сподвижники, мать их ети! – рывкнул Сангре и, подметив, что они сорвались с места и устремились в их сторону, взмолился: – Уланчик! Ну я тебя как брата прошу: хватит ловить гав, бо не время. Лучше посмотри ради интереса вон туда, – и он указал другу, наконец-то соизволившему повернуть голову в его сторону, на скачущих к ним во весь опор всадников.

При виде столь красноречивой угрозы Улан вышел из стопора, и, виновато улыбнувшись недавней пленнице, хриплым от волнения голосом принялся уверять ее, что она попала к друзьям. Отныне ничего страшного с нею не случится, а им самим можно смело доверять, поскольку они готовы для нее и за нее...

– Ну, с этим порядок, – пробормотал Петр и недоуменно уставился на монаха, продолжавшего стоять на месте. – А тебе что, дервиш-разбойник, особое приглашение надо? – возмущился он. – Я кому сказал?! А ну живо на козлы!

Фра Луис выдал несколько фраз.

– Говорит, они все равно нас догонят, – предупредил Улан, наконец-то, хотя и с явной неохотой захлопнувший дверцу возка и усевшийся в седло, – а потому лучше бы тебе отпустить его с миром. Тогда он обещает попросить этих воинов отпустить нас живыми.

– Ересь несёшь, раввин! – упрекнул монаха Петр. – За такое богохульство тебя надо бы вывести за околицу в чисто поле, поставить к стенке и из автомата. А кадилом контрольный по балде, чтоб на всю жизнь запомнил! Кстати, у меня от твоего халифа и грамотка на это разрешающая имеется. Чин чинарем куплена у твоего корефана Сильвестра за десяток гривен, таких же фальшивых, как твоя рожа и вообще вся ваша контора. А в ней так и написано – мол, грохни этого гада, бо за все уплачено и нечего грошам зазря пропадать. А посему выбирай – либо закидываешь свои копыта на облучок, либо ты их через секунду задерешь вверх и больше никогда ими не взбрыкнешь. Жаль выкуп за тебя пропадет, ну да хрен с ними, с флоринами. За такое удовольствие я и сам доплатить могу.

Улан послушно перевел. Фра Луис оживился, но остался стоять на месте.

– Он говорит, если тебе нужно золото, то с этим...

– На кбзлы, я сказал, – рявкнул Сангре, теряя терпение и вновь оглядываясь на скачущих к ним всадников, – а за золотишко в городе трендеть станешь! – и видя, что тот по-прежнему не слушается, взмолился. – Улан, где твой нож, а то он меня достал!

На сей раз монах, поняв по тону Петра, что терпение воина на исходе, покорился. Однако пока разворачивали коней в противоположную сторону, всадники оказались на расстоянии не далее километра. Наконец упряжка резво рванула и некоторое время, нахлестываемая сразу с трёх сторон – кнутом с облучка и плетями с боков – тройка лошадей, тащившая возок, удерживала дистанцию. Однако спустя пяток минут азартное гиканье за спинами друзей стало слышнее. Петр оглянулся. Так и есть – преследователи явно подсократили дистанцию.

По счастью, они успели въехать в лесок, дорога пошла изгибами, резко петляя. Но Сангре помнил, что дальше, сразу за лесом, их ждет прямая дорога вплоть до реки Мухавца, да и по ней до устья, двумя рукавами впадающего в Западный Буг, близ коего располагалось Берестье, катить и катить. Словом, не уйти им от погони, никак не уйти.

– Уланчик, – окликнул друга Сангре. – Расклад у нас хреновый, а потому играть его лучше кому-то одному! Ты гони к городу и приводи подмогу, а я останусь и попробую заговорить им зубы. В конце концов, если они потом потребуют за меня выкуп, расплатишься монахом.

Улан помотал головой:

– Вместе.

– Дурак! – заорал Петр. – Мне в таком темпе долго на лошади не усидеть, все равно свалюсь!

– Вместе, – непреклонно крикнул Улан.

Сангре прикусил губу, понимая, что все уговоры бесполезны – он бы и сам повел себя точно так же – и не зная, что предпринять. Однако мозг, гораздый на идеи, не подвел, всплыло в памяти недавнее поведение друга подле возка, и Петр, оживившись, заорал:

– Тогда не только нам, но и девкам хана. Этот преподобный гад их обратно уволочет. Но вначале ими погоня попользуется, причем хором! – и, глядя, как побледнел Улан, порадовался, что вовремя догадался, на какую мозоль надавить. – Только будешь возвращаться – обязательно прислушайся, чтоб картину не испортить и мое вранье не загубить. А сейчас давай, гони! – рявкнул он и резко осадил своего коня.

Времени оставалось в обрез, всего ничего, но исполнить промелькнувшую в голове во время скачки мысль о новом маскараде, наподобие устроенного в святилище Мильды, Сангре успел. Рассудив, что погоня – та же толпа, стало быть, очень восприимчива к впечатлениям, особенно к необычным, он, торопливо спешившись, с силой огрел коня плетью, дабы

прогнать его вслед за каретой, а сам быстро разделся, сунув скинутые с себя полушубок, кафтан и шапку в ближайший сугроб. Оглядевшись, он обнаружил и вытащил из-под снега подходящую палку, которую можно использовать в качестве посоха. Оставалось последнее. Петр поморщился, но деваться было некуда. Усевшись на снег прямо посреди колеи, он начал... разуваться, еле слышно бормоча себе под нос:

– Дай мне, боже, храбрости. Дай мне, боже, смелости. И... рассол для трезвости. А остальное я и сам как-нибудь.

Стащив с себя второй сапог, он поднялся на ноги и понял, что опоздал – погоня приблизилась настолько, что незаметно избавиться от обуви не выйдет. Быстро поменяв порядок действий, он остался стоять в санной колее, держа сапоги в руках.

Подъехавшие всадники разом осадили коней, уставившись на загадочного чудака.

– Эй, ты зачем того? – недоуменно крикнул один из тех, что был впереди, указывая плетью на обувь.

Петр криво усмехнулся и небрежно забросил один сапог в лес.

– А выбросил на кой? – потребовал ответа другой всадник.

Сангре вместо ответа достал из-за пазухи крест, бережно поцеловал его и... в удивленной тишине с силой метнул в другую сторону второй сапог. Дождавшись, когда он зароется в снежном сугробе и взгляды вновь переместятся на него, Петр протянул к ним руки и завопил:

– Дети мои! Гегемоны неслыханной отваги и железной воли, безжалостные к себе и врагам феодализма! С глубокой верой в наилучшее и с огромной надеждой в предстоящем интересе явился я к вам. Ваши гордые сердца всадников Апокалипсиса, коим не присущ старческий маразм и чужда сентиментальность к страданиям...

Слова звучали громко и отчетливо, но никто их не понимал. В смысле каждое второе само по себе было ясно, а вот в сочетании с остальными – увы... Впрочем, Сангре тоже понятия не имел, что за ахиною он несет, зато хорошо знал иное: продержи он их пяток, а лучше десяток минут и Улан спасен. И он очень старался.

– Никак юрод, – донеслось до него осторожное перешептывание.

– А разве не он на коне недавно сидел? – осведомился какой-то скептик.

– Да не-е, те в полушубках, а ентот в одной рубашке. Да и нельзя им на лошадях-то, – авторитетно возразил бородач в первом ряду. – Уж я-то знаю, они повсюду пешком хаживают. Он, поди, тута, в лесу живет, а ныне услышал нас и вышел.

– Такие окромя чумазого дырявого рубища ничего не носят, – продолжал сомневаться скептик, – а на ентот все чистое и не драное.

– Не иначе добрые люди приодели, – нашелся бородач.

– А чего разулся-то? Холодно.

– Это тебе холодно, а ему Христос ножки греет.

«Если бы грел, – тоскливо подумал Сангре. – А ведь придется и дальше в том же духе. А-а, была не была. Лучше остаться с обмороженными ногами, чем с отрезанной головой. Коль пошла такая пьянка, режем хрен на огурцы», – и он, не прерывая своей речи и ухитрившись даже обыграть предстоящее разоблачение, принялся стягивать с ног онучи.

– Иисус⁵, страдалец, завсегда босым ходил, потому и нам, грешным, негоже сим смердячим саваном стопы окутывать, – завопил он, запуская их вслед за сапогами.

– Видал, видал, чего творит-то, – зашептались всадники.

– Мороз-то нешутейный, а ему плевать.

– Точно, божий человек.

⁵ До реформ Никона в еврейских именах на Руси не было принято упоминать сдвоенные гласные и согласные, а потому Иисус был Иисусом, Ребекка – Ребекой, Авраам – Авраом и т.д.

Увы, божьим человеком Петр не был и босиком отчаянно мерз, но нет худа без добра – голос его непроизвольно возвысился и он продолжил вещать дальше:

– Чада мои! Здесь, на этой, богом освященной земле, где не ступали копыта диких Гогов и Магогов, заклинаю вас...

Следующие минуты, казалось, тянулись бесконечно и впервые в жизни Сангре ощутил: еще немного и он начнет запинаться, а это никуда не годилось – хуже запинаящегося проповедника только пьяный ваххабит. Увы, но Апокалипсис маме Гале он почти не читал – та не любила ужасиков, а все прочее из Библии, что ему запомнилось, включая мудрого Екклесиаста или поучительные притчи Иисуса Навина, не годились. Тут требовалось нечто грозное, суровое, держащее в напряжении, чтоб мороз по коже, озноб по спине, испарина на лбу.

Неожиданно в памяти всплыл киношный Хома Брут, читавший по панночке, и Петр, недолго думая, пустил в ход кусочки псалмов, на ходу komponуя их друг с другом и не побрезговав даже отчаянным финальным воплем философа:

– Образумьтесь, бессмысленные!

Правда, и эти резервы вскоре подошли к концу, но тут вдали со стороны Берестья ему послышался глухой топот копыт и возликовавшего от близости подмоги Петра мгновенно осеңило, что еще можно сделать. Мысленно возблагодарив автора, он громче прежнего завопил:

В прозрении дня уходящего
Молитва – мое молчание
К небесному восходящая,
Как со слезой – покаяние...⁶

К сожалению, хороший слух оказался не у одного Сангре. Бывшие преследователи стали встревожено переговариваться, поглядывая вперед, и требовалось срочно отвлечь их. Пришлось повысить голос, а к стихам добавить подпрыгивание и прочие ужимки.

Идущему – испытания,
Безропотного смирения.
А в святости – прорицания;
Страдающему – терпения...⁷

– Эва яко складно у него все идет, – уловил он краем уха.

– Никак пророчество сказывает, – поддержал другой.

– Да тихо вы! И без того ничего непонятно, – уgomонил их самый ближний к Петру из всадников – судя по нарядной одежде не иначе как атаман или минимум сотник.

Вдохновленный этими комментариями, Сангре, уже поняв, что делать дальше, лихорадочно отыскивал в памяти одно стихотворение за другим и выдавал наиболее подходящие строки. И даже когда долгожданные всадники вынырнули с противоположной стороны лесной дороги, он усилием воли сдержал себя, не метнулся к ним навстречу, но неспешно двинулся... совсем в иную, противоположную сторону, и, не замолкая ни на секунду продолжал декламировать, протянув руку к атаману.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,

⁶ В. Елманов. «Молитва».

⁷ Оттуда же.

Я вижу свет... то День подходит Судный...⁸

По счастью, Улан не забыл предупреждения Петра, благо, громкий голос, звонко и отчетливо звучащий в зимнем лесу, был слышен далеко окрест, и времени понять, что за комедию разыгрывает друг, Улану вполне хватило. Он даже успел сообразить, как лучше подыграть ему, не забыв известить о том и князя Давыда, возглавлявшего сотню. Едва оказавшись на виду у недавних преследователей, Улан, якобы не обращая на них никакого внимания, радостно завопил:

– Ну слава тебе господи, наконец-то нашелся! – и с этими словами, размашисто перекрестившись, он торопливо спешил и устремился к Сангре, причитая на ходу:

– А мы-то тебя заискались совсем, Петрусь, а ты вон где. Негоже без предупреждения нас покидать. Сам обещал слово пророческое людям добрым поведать, и на тебе, ушел, и о своем последнем видении не поведал, – сделав вид, будто только сейчас заметил босые ноги «пророка», он сокрушенно всплеснул руками. – Ай-яй-яй, сызнова свои сапоги раскидал. И что с тобою, неслухом, делать, – и он, укоризненно покачав головой, пошел подбирать их.

Стоять и молчать не годилось, и Петр, устремив в его сторону посох, процитировал:

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо: но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему⁹.

Подобрать Улан успел лишь один сапог, поскольку за вторым, торопливо спешившись, кинулся молодой паренек из числа бывших преследователей. Мало того, он не просто поднес его Петру, но и, смиренно склонившись на одно колено, попросил:

– Благослови, отче.

Чуть поколебавшись, брать сапог в руки Сангре не стал – не достойно святого человека, тем более пророка, пускай Улан примет, – но просьбу выполнил:

– И мандригалом тебя по логарифму, – неторопливо перекрестил он паренька. – Ступай и боле не греши, но в особенности помни седьмую заповедь господню, ибо зрю я, чадо, ох, зрю..., – и он, не договорив, строго погрозил смущенно потупившемуся ратнику.

– Во как! Наскрозь увидал гулену нашего¹⁰, – раздалось приглушенное восклицание. – Точно пророк.

Словом, ни одна из враждующих сторон так и не взялась за оружие. Более того, предводитель недавней погони, держа руки открытыми и показывая, что в них ничего нет, даже подъехал к Давыду и обратился к нему с просьбой отпустить святого человека погостить у них. Князь смешался, не зная, что сказать, но выручил Улан. Повернувшись к просителю, он укоризненно заметил:

– Эх, милый, да разве угадаешь, в какую сторону он дальше захочет пойти. Не силком же к вам его везти. И благослови вас господь, люди добрые, что удержали его, а то бы нам его и не сыскать.

– Да мы чего, – засмущался предводитель. – Случай подсобил. Ехали себе... – он запнулся, но, опустив подробности, откуда, куда и зачем ехали, после короткой паузы продолжил: – Ан глядь, а он тут, посреди дороги, и разувается. Токмо непонятно чтой-то буровил...

⁸ Н. Гумилев. «Судный день».

⁹ Н. Гумилев. «Память».

¹⁰ Седьмая заповедь гласит: «Не прелюбодействуй».

– Седые пророчества всегда скрывает густой туман времени, – скорбно прокомментировал Улан, – ибо оно есть сердцебиение божье, и даже если заглянешь вовнутрь, как ты сможешь понятным языком истолковать увиденное?

– Во-во, – оживился атаман. – Как есть скрывает. Потому и хотим его сызнава послушать. Так ты бы, княже Давыд, уговорил его к нам наведаться, покамест у нас с вами замирье.

– Попрошу, не сомневайся, – включился в игру Давыд. Он покосился на Петра и воздел руки к небу. – Пред богом обет даю, что не далее как ныне и не единожды, но трижды о том ему скажу, а уж далее пушай сам решает.

– А сапожки-то давай обуем, святой отец, – промурлыкал Улан, с ужасом глядя на белые от холода ступни друга. – Чай, не май месяц на дворе. Простынешь, чего доброго, как мы без тебя будем? И епископ ругать нас станет, что не уберегли.

Он же самолично обувал Сангре, пока тот подводил своеобразный итог своим пророчествам, суровым тоном цитируя припомнившиеся ему строки из какого-то евангелия:

– И всякого, кто слушал слова мои и исполнит их, уподоблю мужу благоразумному, построившему дом свой на камне. А всякий, кто слышал их и не исполнил, уподобится человеку безрассудному, воздвигнувшему дом свой на песке.

Сказав это и напоследок размашисто перекрестив продолжавших стоять на месте волинцев, он пешком (а куда деваться, коль юродивые лошадей избегают) направился в сторону Берестья.

– Ну, ты, парень, и горазд на придумку, – уважительно заметил бредущему по санной колее Петру Давыд, когда они прошли метров триста. – А я то немчуру орденскую, кои тебе ворота своего замка открыли, за дурней, признаться, посчитал. Ан нет. Сдается, будь я на их месте, небось и сам бы их перед тобой распахнул, да как бы не быстрее.

На сей раз похвала, вопреки обыкновению, не вызвала у Сангре никаких эмоций – слишком он устал, выложившись до самого доньшка, практически без остатка. Но молчать было не в его традициях и он нехотя откликнулся:

– И все-таки хорошо, что вы вовремя подоспели, – и он удивленно покрутил головой. – Да как быстро!

Улан в ответ иронично хмыкнул, покосившись на Давыда. Городненский князь смущенно замялся, но честно поведал, что он насторожился еще когда прибывший в замок слуга воеводы сообщил Олельке, что друзья собираются вернуться не раньше вечера. А уж когда прискакавший Яцко передал десятку литвинов распоряжение Сангре немедленно следовать во Владимир-Волинский, Давыд окончательно решил, будто Петр с Уланом замыслили улизнуть. Гедимин же строго-настроено предупредил, чтоб он... ну-у, деликатно говоря, приглядывал за чужеземцами. Потому князь и встретил Улана с каретой не в Берестье, на полпути в город.

– Теперь сам зрю, что не того пужался, – виновато протянул Давыд. – Но получилось-то славно, верно?

– Это уж точно, – подтвердил Петр. Настроение у него поднималось вместе с температурой согревающихся после мороза ног. Лукавая улыбка вновь осветила лицо неунывающего одессита и он, повернувшись к Буланову, заметил: – Представляешь, дружище, вы так стремительно подскочили, что я даже не успел испортить свежий памперс, – и, оглянувшись на темнеющий лесок, оставшийся за плечами, посерьезнев, добавил: – Знаешь, Уланчик, за этот день я успел открыть для себя новую мудрость: быть смелым хорошо, но... очень страшно...

Глава 3. Обоюдное благородство и помощь психоаналитика

Спасенная друзьями донья Изабелла и впрямь была на редкость очаровательной: большие глаза, черные ресницы, соболи брови, яркий румянец на щеках... Да и сложена на загляденье – все округлости в наличии. Полное впечатление, что господь при ее рождении расщедрился, небрежно подкинув ей припасенное для десятерых.

Вдобавок она оказалась отнюдь не белоручкой, а напротив, проявила себя весьма умелой лекаркой. Едва вернувшись в Берестье, она первым делом попросила друзей доверить ей самой уход за тяжело раненым слугой. И, судя по быстрым и уверенным движениям ее рук во время перевязки раны, занималась она этим явно не впервые. Да и лечебная мазь мгновенно нашлась в одном из ее сундучков.

– Еще Аристотель утверждал, что врачами становятся не по руководствам, ибо имеющие опыт преуспевают больше, нежели обладатели отвлеченных знаний. Да и мой учитель, непревзойденный Арнольдо из Виллановы, всегда высмеивал тех лекарей, кои, числя себя на словах знатоками, умеют лишь рассуждать с умным видом, а на деле не могут прописать простой клизмы или излечить от однодневной горячки, – пояснила она происхождение своего мастерства.

Одновременно с перевязкой головы донья Изабелла на чистом русском (успела освоить за время проживания во Владимире-Волынском, лишь изредка чувствовался легкий акцент) кратко поведала о своей жизни. Собственно, ее рассказ вполне можно было уместить в двух-трех фразах, гласящих о жутких несправедливых гонениях на орден тамплиеров и произволе святой папской инквизиции. От последней она и ее кузен и были вынуждены бегать по всем странам.

Никаких противоречий в ее рассказе, если сравнивать его с тем, что ранее сообщил о себе Бонифаций, не наблюдалось. Про Улана, слушавшего испанку с полуоткрытым ртом, и говорить не стоило. По мнению Сангре, даже если бы Изабелла начала рассказывать, как бежала от преследований огнедышащего дракона, он и это принял бы за чистую монету. Но и сам Петр ничего такого не заметил. Правда, иногда в его голове еле слышно позванивал тревожный колокольчик, предупреждая о чем-то, но под воздействием чарующего певучего голоса Изабеллы он досадливо отмахивался от его звона.

Но чем дольше смотрел на нее Петр, пока та бинтовала слуге голову, то и дело переводя взгляд на Улана, тем меньше понимал, почему в нее влюбился его друг. Да, красива, спору нет, но красота ее была какая-то холодная, безжизненная, как у античных статуй. Галатея номер два, иначе не скажешь.

Разве глаза, это да. Помнится, точно такие же были у девчонки, жившей в квартире по соседству с бабой Фаей. Как же ее звали? Впрочем, имя не имеет значения, а вот глаза... Огромные, темно-темно-коричневые, почти черные и чуточку влажные. Трудно сказать насчет зеркала души, но что-то эдакое – неземное, запредельное – в них имелось. Как и в этих.

Только не понять – то ли это бесовщина через них подманивает, оглаживает, затягивает в свой хмельной омут, чтоб ухнул туда человек и без возврата, то ли наоборот, ангельская нежность проглядывает: неуверенно, робко, стесняясь, готовая в любой миг упорхнуть, если худо встретят. Вот и пойми, что там таится на самом деле.

Он усмехнулся и покосился в сторону Улана. Ну да, побратиму гораздо проще. Не гадая про ангелов и про бесов, он с первого мгновения рухнул в эти глаза, как в омут, и камнем на самое дно. И всплывать из глубин не собирается – вон как на нее уставился.

Правда, рядом стоит, помогая госпоже, еще одна дамочка, юная служанка со странным именем Загада. Именно с нею и спутал поначалу Изабеллу Петр, но гадать, на кого из них двоих устремлен взор Улана, не приходится. Сразу видно: на синеглазую девицу он ноль внимания. А стоит ему поглядеть на самого Петра, как в глазах сразу начинает плескаться такая ревность, что боже мой. И взгляд суровый-пресуровый. Никак совсем забыл об их дружбе, как есть забыл. И ради кого?! Ради какой-то смуглой испанки. Даже стыдно за мужика.

А ведь если разбираться, то основная и главная заслуга в том, что Изабелла сейчас находится в Берестье, принадлежит Сангре и никому больше. Достаточно вспомнить, как Улан отговаривал его от немедленной погони, да и позже им ни за что не удалось бы уйти, не останься Петр заговаривать преследователям зубы. Значит, кому в первую очередь принадлежит прекрасная добыча? Вот-вот. И стоит дамочке узнать, кто приложил основные усилия по ее спасению, как...

В это время Изабелла, закончив перевязку и пояснив, что хотела бы переодеться в нечто более легкое, удалилась в свою комнату на женской половине, выделенную ей женой воеводы. Уныло поглядев на оставшуюся подле больного Загаду, Улан вздохнул и, увлекаемый другом, поплелся в свою комнату. Едва они туда зашли, как он, смущенно переминаясь с ноги на ногу, промямлил:

– Слушай, ты не рассказывай ей, что я тебя отговаривал от погони, ладно? Я, конечно, все понимаю, вон она как на тебя поглядывает. Просто не хотелось бы выглядеть в ее глазах трусливым дерьмом. А на тебя я не в обиде, не думай, – торопливо заверил он. – Сердцу не прикажешь, да и мужская дружба превыше всего. Я уже и сам себя потихоньку на роль третьего лишнего настраиваю.

– И как?

– Если честно, то с трудом. Но тут ведь главное – сила воли, верно, а она у меня имеется. И если постоянно мысленно повторять, что мне, – голос Улана прервался, но он проглотил комок, внезапно подступивший к горлу, и упрямо продолжил: – ничего не светит, то... – и он, не договорив, вновь осекся, торопливо отвернувшись от друга.

Сангре досадливо крякнул и глубокомысленно заметил:

– Я всегда говорил, что когда бог раздавал всякие интересные и полезные в хозяйстве вещи, мы с тобой стояли в разных очередях. И теперь я понял, за какую вещь ты выстаивал в своей.

– За какую? – вяло поинтересовался Улан.

– Таки за самую никчемную и даже вредную для организма – ты выстаивал за любовь. А насчет «не светит» ты не прав, – хмыкнул Петр, ликуя в душе, что обманулся в собственных наблюдениях и побратим не предал их дружбы. – У нас с тобой пока что и впрямь почти по Пушкину получается: «Пред испанкой благородной двое рыцарей стоят...». Но в отличие от стихотворения Александра Сергеича я лично вопрошать, кто ей из нас милее, не собираюсь – беру самоотвод и уступаю её тебе без боя, – и, желая выказать себя не менее благородным, он важно добавил: – Сердце у меня, конечно, щемит и кровью обливается, но наше братство для меня превыше всего. Так что дерзай, дружище, и да поможет тебе Амур вместе с Купидоном.

– Правда?! – ахнул тот, изумленно уставившись на Сангре. – Ты в самом деле отказываешься от *нее*?! Из-за *меня*?! Да ты... ты... знаешь, кто ты..., – и не найдя слов, чтобы выразить свои чувства, он полез обниматься.

Но дальше Улан повел себя не совсем так, как рассчитывал Петр. Выразив свою горячую благодарность, он заявил, что... не может принять столь великой жертвы от друга.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Сангре. – Не мешай стать страстотерпцем, в смысле терпеть от избытка страсти. Авось в святыни запишут со временем, то есть в святоши, – поправился он. – И вообще, нашел жертву. Я, когда решил отказаться, вмиг столько недостатков в

ней откопал, чтоб сердцем не шибко терзаться – жуть. Во-первых, габариты не те. Руки как спички, и ноги как руки.

– Неправда! – горячо возразил Улан. – У нее все самое то.

– Для тебя. А я, как ты знаешь, люблю дам с большим... мм... количеством красоты в некоторых местах, вроде русской Афродиты у Айвазовского.

– А может Венеры у Кустодиева? – даже в такой момент педантичный Буланов не смог удержаться от поправки.

– Неважно, – отмахнулся Сангре. – Главное, ты понял мое требование: чтоб берешь в руки – маешь вещь. Ну и грыжу заодно. А еще имеется во-вторых: умная она чересчур.

– Ну и что?

– Это тебе ну и что, поскольку ты у нас работаешь одновременно за гиганта мысли и за отца русской демократии. А мне со своим скудным умишком лучше жена не с университетским образованием, а с тремя классами церковно-приходской школы. Или нет, хватит одного. Тогда она точно будет слушать меня, открыв рот. Ну а в-третьих возраст. К твоей Изабелле и в паспорт заглядывать не надо – по лицу видно, минимум четвертак стукнул.

– Подумаешь.

– Во-от, тебе и на это наплевать, а мне подавай нечто юное, то бишь цветочек в возрасте тринадцати-четырнадцати годков. Эдакий юный бутончик с пустой головкой. И еще одно требование имеется. Учитывая нынешний век и простоту нравов, моя будущая избранница и коня на скаку должна уметь поймать, и вместе с ним на руках в горящую избу шагнуть... – он задумался, прикидывая, чтобы еще добавить, и выпалил. – Ну и корову уметь подоить. А эта испанка, как мне кажется, не знает с какого бока к ней подходить, – и подытожил: – Словом, такой бракованный экземпляр мне и даром не нужен. Забирай, а я еще и приплачу!

И вновь реакция Улана оказалась несколько неожиданной. Он уныло вздохнул и заявил, что как ему кажется, принесенная Сангре на алтарь их дружбы жертва не поможет, поскольку с одной стороны благородная испанская донья, дворянская кровь, а с другой дикарь-татарин. И он печально покачал головой, подводя неутешительный итог:

– То ли дело у тебя, дона Педро де ла Бленд-а-Меда.

Сангре с подозрением покосился на друга – не прикалывается ли. Вроде не похоже, на полном серьезе. А коль так, то...

– Не бойсь, – выпалил он. – В этом я тебя с нею запросто уравнию. Ну и с собой заодно. Или нет: поставлю гораздо выше.

– Каким образом? Де Колгейтом меня наречешь или Аквафрешем?

– Последнее звучит ничего, – одобрил Петр. – А в переводе?

– Что-то типа свежей воды.

– Улан Свежая вода... Звучит почти как Чингачгук Большой змей, – Сангре скривился. – Не пойдет. Для твоего якутского племени мы изобретем нечто иное, позабористее, и потянем ниточку твоего рода от... брата Будды. А что, круто, родня бога. Ладно, сейчас недосуг, опосля твою гинекологию состряпаем, а пока делай загадочное лицо и говори, что твои фамилия и происхождение слишком известны и ты вынужден хранить это в секрете. Между прочим, временная загадочность тебе пойдет на пользу, окружит эдаким туманным ореолом тайны, притягивающим любопытных, каковыми являются все женщины без исключения. Так что дерзай, дружище Руслан, и Людмила-Изабелла непременно падет в твои объятия, – бодро заверил он друга.

Улан благодарно улыбнулся ему, но улыбка оказалась мимолетной.

– А внешность тоже уравниешь со своей? – горько осведомился он. – Нет уж, как любил говорить мой отец, рожденный луком никогда не станет розой, а если попытается, то будет выглядеть так смешно... – и он, не договорив, грустно махнул рукой, добавив, что коль прово-

дить аналогию пушкинской сказки, то Русланом впору зваться самому Петру, а ему уготована судьба Ратмира.

– Да лишь бы не друг степей тунгус, в смысле Рогдай, – отмахнулся Сангре. – Хотя я бы на твоём месте не спешил расстраиваться заранее. Как говорят у нас в Одессе за любовь, её дорога столь непостижима, что в сравнении с нею путь гадюки прям аки полет стрелы. Напомню: раньше ты всегда добивался успеха у девушек благодаря заумным беседам, вот и действуй по стандарту.

– Какое там! – отмахнулся Улан, пожаловавшись: – Я и рот-то открыть боюсь – вдруг что-то не то ляпну. Представляешь, ни один комплимент на ум не приходит. Кстати, – оживился он, – А как будет по-испански «до завтра»?

Сангре удивленно посмотрел на Улана, но перевел.

– А «доброе утро»? – не отставал его друг.

– Да зачем оно тебе?! – не выдержав, взорвался после пятого по счету вопроса Петр.

– Ну-у, – замялся Улан, но Сангре успел догадаться сам.

– А ведь у тебя и впрямь мозги от любовной горячки закипели, – сокрушенно вздохнул он.

– Почему?

– Да потому что работай они нормально, ты бы ко мне с этим никогда не подошел. Балда, это ж ты у нее об этом должен спрашивать, чтоб таким макаром угрожать одним выстрелом сразу трех зайцев: во первых, под предлогом обучения испанскому быть с нею рядом, во-вторых через неделю благодаря своему полиглотству ты запросто сможешь трепаться с нею на ее родном языке, тем самым удивив ее одним из своих многочисленных талантов, а в-третьих, касаемо самого большого и вкусного для тебя зайца, – Сангре сделал паузу и предложил: – Ну-ка, попробуй догадаться сам.

Однако спустя минуту он понял, что дальнейшее ожидание бессмысленно – ответа все равно не будет – и, горестно вздохнув, пояснил:

– Кому помог, того и полюбил, горе ты мое прикаспийское. Усек? – он внимательно посмотрел на Улана и вынес диагноз. – Худо твоё дело, парень. Неуверенность перед битвой – залог поражения. А ведь в реальности у тебя девяносто процентов шансов на победу. Точно, точно. Или не веришь? Тогда давай попробуем прикинуть вместе. Вот представь, что я – твой психоаналитик. Изложи, в чем ты видишь свои проблемы, а я разберусь – надуманные они или как. Поехали...

Но слушал он горестную исповедь Улана недолго, ибо с половиной сказанного о себе другом согласиться не желал, а оставшуюся половину попросту не понял – чересчур заумные слова. Наконец минут через пять он, окончательно вскипев, взорвался и заорал:

– Да плевать я хотел на твою нынешнюю эмоциональную нестабильность! И вообще, ты не интроверт, ты – шизанутый засранец с кучей комплексов! Жаль, я до сегодняшнего дня не подозревал, насколько огромна твоя сраная куча!

Улан, опешив, уставился на него и робко протянул:

– А можно мне поискать другого психоаналитика?

– Перебьешься, – решительно отверг его предложение Петр. – Будешь делать то, что я скажу, Ромео, иначе тебе и впрямь удачи не видать. А для начала напоминаю Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Усек? Это я к тому, что никаких комплиментов и не требуется: прикуси губу, утри соплю, сожми сердце в свой могучий бурятский кулак, и крепись. Знакомая она тебе, хорошая знакомая и ничего больше, хотя в перспективе ты бы хотел иметь ее в друзьях. Да знаю, все знаю, – замахал он на порывающегося возразить Улана руками, не давая вставить ни слова. – И как бы ты хотел ее иметь – знаю, и в качестве кого. Но об этом лучше на время забыть, и о своих нежных чувствах тоже. Пойми, с

любовью надо поступать как с маслом: хочешь подольше сохранить свежим, храни на холоде, а разогревай только перед самым употреблением.

– Собственное сердце не обманешь, – скорбно вздохнул Улан.

– Запросто, – не согласился Сангре. – И даже нужно обмануть, притом в первую очередь, не то оно же тебя и сдаст. Кстати, учитывая, что твои нынешние мозги ничего путного выдать не в состоянии, кидаю тебе от собственных щедрот мудрый дружеский совет: не относись к ней, как к музейной редкости.

– В смысле?

– В смысле не бойся трогать руками.

– Да пошел ты!

– Ну вот, я для него на всё, а он. Хотя... если как следует призадуматься, ты действительно прав, – пошел он на попятную. – Если женщину не тронули твои слова, не тронут и руки. Значит, вначале надо что?

– Что? – послушно повторил Улан.

Сангре вздохнул, сочувственно глядя на друга, однако комментировать в очередной раз его поведение не стал – что с убогого, в смысле с влюбленного, возьмешь. Вместо этого он терпеливо пояснил:

– Обаять, балда. Мамзель, как я заметил, весьма любознательна, посему предлагаю щедро открыть перед нею свои обширные горизонты и глубины, в кои и погрузить ее – пусть хлебает от души. Поверь, слушать она тебя станет с превеликой охотой, о чем бы ни зашла речь. Ну разве что в буддизм не шибко углубляйся, она ж католичка, и зачем тебе страстные дебаты? Да и космос не трожь, – внес он коррективы. – Зато познавательные рассказы из мира насекомых, животных, земноводных и растений, а особенно медицины, думаю, пойдут на ура.

– Считаешь?

– А то! И сам ее слушать не забывай. Кстати, насчет комплиментов... Допускаются лишь те, что касаются не её красоты, к таким, думаю, она привыкла, а её ума. Это оригинально, свежо и ей точно понравится. А где-то через недельку, не раньше, шарахни по ней из тяжелой артиллерии, то бишь трехстопным ямбом, хореем и птеродактилем, в смысле переходи на стихи. Она ж, сам поди слышал, на средневековом русском лучше нас с тобой шпрехает, наловчилась, проживая на галичине, посему любовную поэзию должна оценить.

– Да я их, в отличие от языков, как-то не очень... – вздохнул Улан.

– Не бойсь, подмогну, – заверил Сангре. – Кстати, и тут можешь в первую очередь на ее мудрость и знания налегать, но уже с намеками, чтоб получился плавный переход к чуйствам. Вот к примеру:

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.¹¹

Хотя погоди, – осекся он. – Последнюю строку надо бы поменять, не соответствует. Понимаю, Пушкин, солнце русской поэзии, сукин сын и прочее, но рано, да и не обидится он, если мы... Ага, пока скажешь так: «И недоступна никому», – он весело хлопнул приободрившегося друга по плечу и уверенно заявил: – Да она от одного этого вирша обомлеет и вспыхнет к тебе такой страстью, что мало не покажется. Только не вздумай говорить, будто не ты эти стихи состряпал – все испортишь. Ну а затем делаешь ей внимание через растительность...

¹¹ А. Пушкин. «Паж или Пятнадцатый год».

– Чего?! – перебил окончательно обалдевший Улан.

– Букеты цветов начинаешь даришь, вот чего! – внезапно озлился уставший от втолковывания элементарных вещей Сангре, с ужасом наблюдавший как его умница-друг поглупел буквально на глазах, и мстительно добавил: – И под конец самое простое: объясняешься в любви, тщательно подобрав красивые слова и изящно разбавив их матом.

Однако шутка пропала втуне, ибо Улан простодушно спросил:

– А зачем разбавлять?

Это доконало Сангре и он зло рявкнул:

– Так, свободен! Как я вижу, у тебя по любому в памяти все не удержится, потому инструктаж будет дозированный и рассчитанный не более чем на неделю. Пока изображай ведущего из «В мире животных» и все. И умоляю, не старайся пыжиться и казаться лучше чем ты есть. Баб не обманешь, они фальшь сердцем чувствуют, как справедливо заметил знаменитый психолог уголовного мира гражданин Горбатый. Посему оставайся самим собой, как бы глупо это ни выглядело. Все понял? Тогда иди и небрежным тоном предупреди Загаду, чтоб она передала донье: мы свое дело сделали, спасли кого надо, а теперь уходим по делам и искать нас не надо – сами отыщем, когда понадобятся.

Улан молча кивнул и направился к двери. Сангре хмуро посмотрел ему вслед и вздохнул: шутки шутками, а ведь у друга и впрямь любовная горячка, которая подчас бывает похуже любой болезни. Тут дела надо делать, раненого допрашивать, прояснять, что там такого неправильного с этой Изабеллой – не может же предчувствие обманывать, а у побратима как назло голова не варит – кошмар да и только.

Но проанализировать, что именно его насторожило в словах испанки, он не успел...

Глава 4. Гадание на картах, или Людоедство по-литовски

– Я чего хотел, – начал робко застывший на пороге Улан, вернувшийся с полдороги и просительно взирающий на друга. – Мне бы... Ты вот карты иногда... Опять же твоя баба Фая... А ты сам говорил, что она у тебя того... И мне тоже вспомнилось, что они у тебя всегда только правду... Так может ты... Ну-у, в смысле на Изабеллу и меня... Я, конечно, мало в это верю, но...

Сангре терпеливо выслушал бессвязную речь друга, достал из кармана карты, но, подумав, что не стоит рисковать – мало ли что выпадет – отправил Улана за квасом. Пока его не было, вытащил одну карту, недовольно хмыкнул, извлек вторую, нахмурился, вытянул третью и, досадливо плюнув, зло уставился на них.

Расклад получался такой, что хуже не придумаешь. В смысле, не вытащишь. Мало того, что все три карты сами по себе были плохими, так в сочетании они еще и усиливали друг друга. Получалось, не судьба Улану и Изабелле быть вместе. Вообще. Ни под каким соусом.

– А вот хренчики вам, робята, – мстительно сообщил он им. – Вы мне этого не говорили, я этого не слышал. А сообщите вы моему побратиму совсем иное...

Выйдя в коридор, Петр на цыпочках подошел к лестнице и осторожно выглянул вниз. Никого. Удовлетворенно кивнув, он торопливо нырнул обратно в комнату, оставив дверь полуоткрытой, чтоб слышать шаги. Достав из кармана колоду, он принялся разыскивать в ней нужные карты. Найдя и уложив их под низ, удовлетворенно произнес:

– Вот так-то лучше. Будете гадать, что надо и куда не денетесь, – после чего убрал колоду обратно в карман и как ни в чем не бывало подошел к окошку.

Дабы вернувшийся Улан ничего не заподозрил, Сангре поначалу стал отнекиваться от гадания, заявив, что человеку, прошедшему его краткий ликбез по охмурению и опылению, удача и без того обеспечена, а потому и карты ни к чему. Однако отказывался недолго – тот столь жалобно на него смотрел, что Петр, вздохнув, согласился.

Правда, на сей раз он не дал побратиму подснять, заявив, что раз гадание на него, то он не должен участвовать в манипуляциях с картами. Невозмутимо изобразив, что тасует колоду, он извлек первую. Как ни удивительно, ею оказалась одна из тех, что он вытащил первоначально. Каким образом она угодила под низ – непонятно. Петр растерянно уставился на нее, лихорадочно соображая, что теперь говорить.

– Ну что? – нетерпеливо осведомился Улан.

– Класс! – выпалил Сангре, мрачно взирая на трефового короля.

– В смысле?

– В смысле это надежный и верный друг, он же идеальный компаньон, – припомнилось Сангре. – Видишь, тебе даже карты подсказывают, что надо слушаться меня и все будет тип-топ.

Вообще-то он почти не солгал. Трефовый король действительно означал все, что Петр сказал. Правда, при условии, что был не перевернут. Увы, но в перевернутом положении он сулил беспокойство и разочарование вследствие краха замыслов.

– А теперь... вытянем еще одну, так сказать, чтоб осветить ситуацию поподробнее... – бодро заявил Петр, чуть помедлил для вящего эффекта и вытащил вторую карту. – О-о-о! – не сдержался он, удивленно глядя на трефового вальта, точно также как и король, выпавшего при гадании без Улана.

– Чего там?

– Просто супер! – выдавил Сангре (не говорить же про большую беду, которую валет предвещает в совокупности с королем), лихорадочно припоминая, что сулила карта, специально подобранная им, но куда-то запропавшая. – Означает исполнение желаний и достижение гармонии через искренность и приложение усилий, – торопливо зачастил он и, подумав, добавил для вящего правдоподобия: – Правда, скрывать не стану, она перевернута. Это говорит о трудностях, но их поможет преодолеть везение и уверенность в себе, после чего любимая особа отдаст вам свое сердце.

– Врешь ты все, – неуверенно проворчал Улан.

– Я-то да, могу для красоты приврать, а вот карты... Вспомни, они хоть раз солгали? Ничего подобного. Всегда выдавали святую истину, даже если нам хотелось услышать иное, – он вздохнул, с упреком покосился на трефовых короля с вальтом и со вздохом констатировал: – Короче, старче, даже если ты теперь станешь отбрыкиваться от своей Изабеллы, все равно не поможет, ибо карты гласят, что у тебя впереди только два возможных варианта развития событий: либо ты на ней женишься, либо она выходит за тебя замуж. Словом, эта донья – твоя судьба, – и он нараспев произнес:

Девочка и мальчик вместе гуляют по саду камней.
Тили-тили-рисовая похлёбка,
Будущий муж и жена.

От последних слов Сангре Улан и вовсе расцвел, расплывшись в блаженной улыбке. Петр удовлетворенно кивнул, оставшись доволен, что друг безоговорочно поверил его вранью, встал, торопливо сунул карты в карман и деловито попросил его:

– А теперь чуток отвлечись от радужных мечтаний, ибо нам надо заняться пленным Люсьеном, а потом я тебя сразу отпущу к щедрой покупательнице собственных родичей. Кстати, все-таки сходи предупреди ее, чтоб не искала нас до ужина.

Улан радостно закивал и мгновенно улетучился. Петр, для верности выждав несколько секунд, достал из кармана карты и, сказав самому себе, что действует исключительно ради интереса, вытащил третью карту. Ею оказался король пик, означающий ненадежного друга и смертельно опасного врага.

– Еще один нарисовался, хрен сотрешь, – пробормотал Сангре. – А учитывая, что кроме меня у Улана друзей здесь нет, что тогда получается? – хмуро осведомился он у короля. Тот молчал. – А получается, что вы, дорогие предсказатели, меня смертельно оскорбили. Ах, да, ты же перевернут, – спохватился он. – Уже легче. Тогда я ни при чем, а ты просто жадный, бессовестный тип, чья злобредность ограничена лишь недостатком возможностей.

Петр сунул короля обратно в колоду, но загадка с исчезнувшими из-под низа картами не давала покоя и он, криво усмехнувшись, осведомился:

– А интересно, что выпало бы, если б я гадал на себя и донью?

Он вновь потасовал карты, небрежно вытащил из середины одну за другой три штуки и остолбенел. Некоторое время он разглядывал их, не веря своим глазам. Еще бы, ведь они оказались именно теми, которые он приготовил для Улана. Но тут на лестнице послышались торопливые шаги и Сангре, спохватившись, сунул колоду обратно в карман.

...Водворенный слугами Олельки в подклеть, где совсем недавно хранились продукты, фра Луис, сидящий среди бочек с капустой, огурцами и прочей снедью, выглядел эдаким чужеродным пятном, напоминая черную ворону. Он и глядел на друзей примерно точно так же, как птицы иногда смотрят на людей: нахохлившись и чуть склонив голову набок. С минуту Петр внимательно разглядывал его, подведя неутешительный итог:

– Легче найти негра в рядах Ку-клукс-клана, чем заставить его пойти на чистосердечное.

– Думаешь?

– Точно. Скорее солнце рухнет на землю, Евросоюз откажется от двойных стандартов, а западенцы возлюбят москалей, – Сангре вздохнул. – Ну и что с ним делать? За ваучер и на дыбу? А если он того и ждет, чтоб в страдальцы записаться или как я, в страсготерпцы? – он вопросительно оглянулся на Улана и нахмурился. Тот вроде бы смотрел на Эспиносу, но, судя по отсутствующему взгляду, мысли его явно витали где-то далеко. – Понятно, по-прежнему в любовных эмпиреях, – прокомментировал Петр и тяжело вздохнул, посетовав: – Все самому, все самому, и никакой тебе поддержки. Ну ладно, будем изобретать в одиночку, – он призадумался и загадочно протянул. – Разве попробовать создать соответствующую декорацию...

С декорацией оказалось просто. Жарко пылающая печь с торчащими из огромного зева кочергами, саблями и прочим колюще-режущими предметами. Неподалеку открытый ящик с нехитрыми инструментами – клещи, молотки и прочее, принесенный по просьбе Сангре местным кузнецом. Он же вбил в бревна стены подле печи два больших крюка. Оглядевшись, Петр, охваченный творческим азартом, удовлетворенно кивнул:

– Кажись, антураж в порядке. Будущую жертву, сплошь залитую кровью, которую продемонстрируют и отволокут, у нас сыграет Ажуолас. Он, правда, дубоват слегка, не зря его родители в честь этого дерева назвали, но когда до конца уясняет, что именно от него требуется, отрабатывает на совесть. Помнишь, как он ловко при взятии Христмемеля умирающего крестоносца изображал? Я, когда оглянулся и увидел, ей-богу, если б не знал, что понарошку, разрыдался бы. Умирающая лебедь близко не стояла. Ну-у, два палача – тут без выбора, Локис с Вилкасом. И следовательно с переводчиком, то бишь я и ты. Но чтоб железно расколоть, нужна, согласно инструкции папаши Мюллера, третья степень утрашения.

– Пытать станешь? – и Улан удивленно уставился на Петра.

– Фу-у, – брезгливо скривился тот. – Под пытками он скажет все, что нам угодно, но не факт, что оно окажется правдой... Нет, требуется сломать мужика, чтоб раскис и поплыл, то бишь неожиданный ход.

– А ты как с Дитрихом.

– Плохо ты думаешь за одессита: один и тот же трюк дважды, причем за столь короткий срок. Нет, ежели для пользы дела, я не против, но он не рыцарь, а монах. У них с нетрадиционной любовью без проблем, еще и обрадуется, гад. Нужно как-то иначе.

– Погоди, погоди, а почему ты Яцко переводчиком не хочешь взять? – остановил его Улан.

– Я не знаю, что за тайну скрывает этот капуцин и выбьем ли мы ее из него, но вдруг получится. Следовательно, лишние уши нам ни к чему и переводить придется тебе.

– Кстати, судя по имени и фамилии монах явно из испанцев. Мог бы и сам в толмачи податься, – намекнул Улан.

– Торопишься пройти курс оказания первой медпомощи, – понимающе кивнул Петр. – Успеешь, родной. Прибереги донью на десерт и займись основным блюдом. Ты ж не маленький, чтоб я уговаривал тебя вначале мяско доест, а потом за шоколадку братья... Стоп! – остановил он себя и, радостно заулыбавшись, сообщил другу. – Кажется, у меня появилась свежая идея, удмурт ты мой влюбленный! Мяско-то разное бывает, в том числе и... Помнишь, как мы пленного московского дружинника в Липневке запугали? Значит так, Локис с Вилкасом у нас станут не просто заплечных дел мастерами, а... людоедами.

– Ке-ем?

– Литовскими людоедами, – твердо повторил Петр, – иначе нам эту Люсю не расколоть. Но психика у него закаленная, всякого навидался, а то и сам, поди, кишочки из еретика вытягивал потихоньку, потому запугать этот ходячий опиум для народа не просто – придется продемонстрировать все воочию. Значитца так, кушать они будут различные части тела, например, ногу, отрезанную у жертвы предыдущего допроса, то бишь у Ажуоласа, он как раз мужик в теле. И не только кушать, но и угощать человеческим мясом монаха. Или нет, лучше угощать

его стану я. Правда, если эта Люся позже увидит его невзначай о двух ногах, вмиг догадается о нашем фокусе-покусе. Ага, мы ему всю рожу кровью замазюкаем, тогда нипочем не признает.

– И пойдет о Литве слава по всей Европе, как о язычниках-людоедах, – протянул Улан.

Сангре нетерпеливо отмахнулся:

– Пусть говорят. Уж здесь-то нам при любом раскладе не жить, – твердо заявил он, – а потому мне наплевать, что о них будут думать разные придурки. Кстати, для Гедимины я вижу из этого сплошную практическую пользу.

– Даже так?

– А ты сам подумай. Орден откуда пополнения берет? Из Европы. А при наличии таких слухов приток сюда разных козлов, уж поверь мне, значительно сократится. О, кстати, надо бы подкинуть эту идейку кунигасу. А теперь с помощью нехитрых приспособлений мы убедим допрашиваемого, что с предыдущим пациентом приключился полный ой...

И Сангре, расхаживая по будущей пыточной, принялся бормотать себе под нос, что надо приготовить приличный муляж, попрочнее прикрепив его к сапогу, а к пыточному набору обязательно добавить в качестве шампуров три-четыре железных прута, чтоб было на чем жарить куски, отрезанные от псевдоноги. Разумеется, не забыть ножовку, а то непонятно, чем ее пилили. Кроушки понадобится не меньше двух литров, а лучше три, чтоб железно хватило. Вдобавок желательно...

– Слушай, а может, ты сам все-таки переводом займешься? – перебил Улан друга, не на шутку увлекшегося разработкой будущей мизансцены. Переспросил на всякий случай, особо не надеясь на положительный ответ. Петр внимательно посмотрел на него и тяжело вздохнув, сокрушенно констатировал:

– Любовная горячка, осложненная психозом страсти.

Улан, чуть поколебавшись, кивнул, решив безропотно соглашаться со всеми подколками – авось смягчится и отпустит. Но не тут-то было. Сангре, поморщившись, положил руку на плечо друга и, сменив тон на более серьезный, пояснил, что общение с Боней-Филей ему, конечно, же пошло явно на пользу. Вспомнилось и то, чему учил дед, да и много нового в память влезло, но перевести все перлы славного города Одессы на испанский ему все равно не под силу. Посему своим лихорадочным подбором нужных слов и неуверенным бараньим блеянием в самый неподходящий момент он может резко и бесповоротно нарушить впечатление от зловещего антуража.

И совсем другое дело, когда он, Сангре, будет в своей тарелке, то бишь острить, прикалываться, свирепствовать, рычать, матюкаться и так далее, напрямую передавая букет своих бурных эмоций гражданину подследственному и вводя его в состояние, граничащее с шоковым. Ну а Улану, как толмачу, хладнокровие и выдержанность позволительна, ибо общей ужасной картины его поведение не испортит, но напротив, усугубит ее, создав должный контраст.

И, увесисто хлопнув друга по плечу, весело подытожил:

– Ничего, старина, успеешь ты... к своему десерту.

Глава 5. Третья степень устрашения

Когда двое дюжих слуг привели фра Луиса в комнату, первое, что бросилось в глаза монаху – истерзанное окровавленное тело, обнаженное по пояс и безжизненно валяющееся на полу. Крови в комнате вообще было столько, что становилось непонятно, как этот кусок мяса еще жив. Подле тела возились двое в кожаных фартуках. Неподалеку на полу лежала здоровенная пила, тоже покрытая кровью. На зубцах ее виднелись какие-то странные белые кусочки, а рядом с нею лежала... Инквизитор пригляделся и содрогнулся – отпиленная человеческая нога, причем до сих пор обутая в сапог. Да что сапог, когда палачи не удосужились задрать штанину – так и пилили вместе с нею.

Странное дело – раньше, когда сам Эспиноса занимал место за столом в пыточной, задавая вопросы и старательно выводя очередного вольнодумца на чистую воду, он как-то хладнокровно реагировал на то, что творят с жертвами палачи, а здесь ноги его ослабели.

«Оно и понятно, – нашел фра Луис объяснение, – ведь в инквизицию попадают исключительно еретики, а их полноценными людьми не назовешь. Да и цели совершенно разные. У нас благая, облегчить душу пытаемого, освободить ее от тяжелого груза греха, вернуть в лоно истинной церкви, а здесь...»

Опять же и сам процесс допроса у них проходил не столь варварски. Ну, проступала на теле еретика кровь после ударов бичом, но не в таком количестве, а касаясь иных пыток... Да, трескали разламываемые от «испанского сапожка» косточки на пальцах рук и ног, сгорали внутренности, обваренные при вливании в рот кипятка через здоровенную воронку, шкворчала на ступнях кожа во время поджаривания жертвы на испанском кресле, но все практически бескровно. А вот ногу ржавой пилой...

«Хотя что с них взять – варвары, язычники, – невольно пришло ему на ум. – Никакого сострадания к человеку».

В это время один из палачей, возившихся с несчастным, поднял голову и что-то негромко прорычал. Фра Луис встречал в своей жизни всяких людей, но при виде этой чумазой рожи, больше похожей на уродливую маску, ему стало совсем плохо. А когда окровавленные пальцы потянулись к нему и рожа оскалилась, демонстрируя огромные, изрядно выпирающие вперед клыки, монах попросту потерял сознание.

– Мда-а, – задумчиво протянул Петр, невозмутимо разглядывающий лишившегося чувств инквизитора. – Ладно, пока есть время, вы, ребята, привяжите монаха к крючьям, а Локис с Вилкасом пускай вынесут нашу жертву. Обоим ждать у дверей. Войдете, когда услышите мой стук.

– А ты не переборщил? – тревожно осведомился Улан. – Честно говоря, даже мне не по себе.

– Но ты же знаешь, что кровь телячья, а отрезанная человеческая нога – коровья ляжка, закрепленная в сапоге, – удивился Сангре.

– Но выглядит все так, что....

– В самый раз, – мрачно ответил Петр, посоветовав: – Станет жалко, освежи в памяти недавние воспоминания. Это я про безвременно почившего от его руки гонца Моню. Да и второй, невзирая на все старания Изабеллы, то ли выживет, то ли нет. И кого-то из них завалил именно гражданин... Стоп, дискуссия отменяется. Кажется, Люсьен приходит в себя. Сделай умное лицо и задумчиво ухватись за перо.

Первоначально речь очнувшегося монаха была загадочной, ибо он лопотал на каком-то непонятном языке. Чуть погодя внимательно слушавший его Улан сделал вывод, что это латынь и велел ему переходить на немецкий. Тот послушно закивал и залопотал еще быстрее, но куда понятнее.

Правда, по его словам выходило, что во всем виноват его обезумевший спутник. Именно потому он сам поначалу опасался подчиниться требованиям благородного кабальеро и лишь убедившись, что Фернандо мертв, послушно сел на козлы и в дальнейшем охотно выполнял все приказания благородных.

– Ты про донью Изабеллу у него спроси, – перебил Улан Петр. – Зачем они ее украли?

Оказалось, причина проста – испанка слишком тесно общалась с тамплиерами, имела нескольких родственников из их числа и, как стало известно инквизиции, приняла от арестованных рыцарей несколько еретических свитков. Последние содержали колдовские заклинания и прочие непотребные тайны, вплоть до вызова дьявола Бафомета, к услугам коего тамплиеры частенько прибегали во время своих собраний. Кроме того, она сама заподозрена в ереси и есть немалые основания полагать...

Прервав себя на середине, Улан сердито махнул рукой.

– Дальше не буду: он все врет.

– Думаешь?

– Уверен. Я ж на него не как на обвиняемого смотрю – как на свидетеля, а на них я, если ты помнишь, собаку съел.

Петр задумчиво прошелся по комнате из угла в угол. Остановившись, он сурово уставился на Эспиносу и, не сводя с него пристального взгляда, извлек из кармана штанов гривну.

– Узнаешь, гад ползучий? – сурово осведомился он.

Монах что-то виновато пробормотал.

– Говорит, он с самого начала заподозрил нелады с этими гривнами, но их вины нет. Это проделки новгородских купцов, – перевел Улан.

– Ну да, и тут во всем Россия виновата, – мрачно прокомментировал Петр. – А у купца новгородского фамилия часом не Путин, а? Слыхали мы эти басни. Хоть бы постыдились семьсот лет талдычить одно и то же, притом весьма неумело, – и он торжествующе усмехнулся. – Кстати, сам же ты и выдал свою контору, ведь я тебе претензий насчет фальшивых гривен еще не предъявил...

Он вплотную подошел к Эспиносе и с угрозой выдохнул прямо ему в лицо:

– Ну вот что, друг ситный. Разговор о серебре мы оставим на потом, как наиболее приятную тему, а пока потолкуем за остальное. Звонишь ты складно, спору нет, но все это – голимая брехня. Хорошенькую моду вы взяли – убивать живых людей. Я, про между прочим, вот уже второй день плачу горькими слезами за дорогих моему сердцу покойников, из коих половина на твоей совести. И не делай невинность на своем лице – не поможет! Ее может доказать только тестирование на «испанском башмаке» и раскалённом до белого каления чугунном славянском утюге и будь уверен, за ними дело не станет. Но шанс избежать их я тебе даю при условии, что ты мне как на духу поведаешь, чего вы на самом деле хотели от доньи Изабеллы и славного идадьго Дон Кихота Ламанчского, больше известного тебе под псевдонимом Бонифаций Фелипе де Рохас-и-Марино? И запомни: между отделаться и обделаться у тебя есть ровно миг. Если ты сейчас заговоришь и все нам расскажешь, будет первое, если нет... – он многозначительно развел руками.

Монах, выслушав перевод Улана, набычился и не сказал ни слова. Выдержав паузу и поняв, что ответа не дожидаться, Сангре невозмутимо продолжил:

– Если тебе не нравится моя дикция, я могу пригласить для продолжения диалога парочку симпатичных патологоанатомов, но предупреждаю: чересчур азартные ребята. Могут по инерции вовремя не остановиться, продолжая потрошить до победного конца. Ну что, будем и дальше валять вашего дурака в пыли жизненных противоречий?

Инквизитор восторженно и торопливо затарахтел, но Улан, не став переводить, заявил, что монах опять врет.

– Вот! – торжественно произнес Петр, тыча пальцем в друга. – Добрый самаритянин завсегда сердцем чувствует! Дурилка ты картонная, одессита обмануть надумал.

Фра Луис умолк, насупившись и хмуро глядя на Сангре. Тот сокрушенно вздохнул.

– Ну, коль ты дубовый, как этот стол, – он постучал по столешнице, подавая условный сигнал жмудинам, – придется звать симпатяг-проктологов.

Локис с Вилкасом не заставили себя ждать, войдя через пару секунд после стука. Уставившись на Петра, они, повинаясь его кивку-команде, шагнули к печке. Старший из братьев извлек из огня багрово-красные клещи, младший – раскаленную добела кочергу. С ними наперевес, злобно скалясь, оба дружно шагнули к инквизитору.

Однако по пути Локис якобы нечаянно задел валявшуюся на полу человеческую ногу и остановился, уставившись на нее и сурово хмуря брови. На губах его выступила слюна. Прорычав нечто невразумительное, он указал на нее Петру. Тот поморщился, но нехотя кивнул, давая добро.

Вытаращив глаза от ужаса, Эспиноса увидел, как самый страшный на вид палач, ухватив отрезанную ногу, поднес ее ко рту. Откусить, правда, не успел, поскольку Сангре негодуя хлопнул его по руке, укоризненно покачал головой и указал на прислоненные к печи железные прутья.

Палач, проворчав в ответ что-то загадочное, тем не менее подчинился и, в свою очередь, указал на прутья своему подручному, а сам, присев на корточки спиной к фра Луису и достав из-за голенища нож, принялся что-то делать с отрезанной ногой. Что именно, монах не видел, но понятно было и так: напарник получал от палача и нанизывал на прутья один окровавленный кусок мяса за другим. Вскоре прутья оказались в печи и до фра Луиса донесся запах поджариваемого мяса.

Инквизитор зажмурился, но от этого ему стало еще страшнее. Да и запах никуда не делся. Скорее напротив – усилился. А еще к нему добавилось легкое потрескивание от капающего в пламя жира. У Эспиносы появилось горячее желание заткнуть себе уши и нос. Увы, но оно было неосуществимым – руки-то привязаны. Он попробовал воззвать к Сангре, но не смог вымолвить ни слова, жалобно замычав. Впрочем, Петр его понял.

– А ты что думал? – развел он руками. – И палачи кушать хотят. Да они у меня всегда так делают, чтоб не покидать рабочего места. Вон и у тебя когда чего-нибудь отрежут, тоже далеко уходить не станут – прямо здесь и поджарят. Уланчик, а ты чего застыл там за столом. Ты переводы мои ответы, переводы, – промурлыкал он, не меняя тональности и даже не поворачиваясь к другу.

Улан, спохватившись, послушно перевел. Эффект от услышанных слов не замедлил сказаться и первым это обнаружил Сангре. Поморщившись, он с укоризной заметил инквизитору:

– Тю на тебя. Я ведь предупреждал, что отделаться значительно приятнее, – и, повернувшись к Улану, констатировал: – Ошибся я в нем. Геройство так не пахнет.

– Нога, – наконец выдавил фра Луис.

– Как ты кратко изъясняешься, – восхитился Сангре. – Даже я понял сие немецкое слово. Ну да, филейная часть вкуснее, да и костей там поменьше, но чего нема, того нема. Зато свежатинка, всего полчаса назад оттапали, – и он властно распорядился. – Дайте-ка мне, ребятки, на пробу.

Локис что-то рыкнул в ответ, но Петр отмахнулся:

– Да неважно, что не прожарилось, я люблю, когда с кровью.

Улан добросовестно перевел и этот диалог, чтоб инквизитор получше проникся собственными перспективами. Меж тем Вилкас послушно извлек из печи один из прутьев и протянул его Петру. Тот понюхал и умилился, закатив глаза вверх:

– М-м-м, какая прелесть, – и он аккуратно откусил небольшой кусок.

Из глаз монаха потекли слезы. Он вновь умоляюще замычал.

– Никак сказать чего хочешь, мил человек? – осведомился Сангре. – Тогда советую потопиться, а то они сейчас трапезничать закончат, и говорить ты будешь не в состоянии, исключительно орать. А потому не таись, облегчи душу. А я тебе, как верховный вайделот Индры и главный жрец Заратустры, мигом все грехи отпущу.

– Мясо, – с трудом выдавил монах.

– Ну да, мясо, – недоуменно согласился Петр. – А чего добру пропадать? Или... А-а, я ж совсем забыл, в какой конторе ты трудишься, – заулыбался он. – Вы ведь своих тоже того. Понимаю, ностальгия, родину вспомнил, привычную работу. Так тебе пожевать захотелось, коллега? Ну это мы мигом. Ты, правда, и на пару грамм не успел наговорить, но будем считать твою пайку авансом... Ну-ка, народ, шампур сюда.

Эспиноса резко отвернулся от поднесенного к его рту куска мяса, а чуть погода учуявшего запах монаха вырвало. Отдышавшись и видя, что его вот-вот вновь станут угощать человечины, он умоляюще замычал, протестуя замотав головой.

– Ах ты вон о чем, – кивнул Петр и задумчиво подтвердил: – Точно, посолить они, заразы, как обычно, забыли. Да ты не сердчай – они и жарить-то его совсем недавно научились. Хотя что я говорю, сам поди видел, как они прямо при тебе его сырым сожрать хотели. Соль, мать вашу, для дорогого гостя! – сурово рявкнул он.

Вилкас услужливо протянул солонку. Сангре, не снимая с прута мясо, обильно посыпал все куски солью и вновь поднес его ко рту монаху, подбодрил:

– Ну ты чего, Люсьен? Это ж у него поначалу вкус непривычный, сладковатым кажется, а когда распробуешь, за уши не оттянешь. Точно, точно. Уланчик, друг ситный, не молчи, – тем же тоном вторично напомнил он другу, – обрисовывая нашему сермяжному пинжаку его радужные канныбальские перспективы. Да скажи, что за хорошее поведение мы его попозже человечими ушами накормим, а они вообще прелесть как хороши. Такие хрустящие, особенно если на свином сале обжарить – попкорн близко не лежал. Правда, если станет молчать, то уши в дело пойдут его собственные, но это несущественные детали, все равно вкуснотища, а пока... – и он вновь поднес к губам монаха шампур, сменив тон на повелительно-приказной. – Давай, жри, фраер ушастый. День сегодня скоромный, имеешь право. Ах да, молитва, – спохватился он. – Ну, господи благослови. А хочешь, я для вящего аппетита японскую хойку тебе прочту? – и он, не дождавшись согласия, процитировал:

Рисовую лепешку испёк самурай
Вот такой вышины, вот такой ширины.
Самурай, самурай, кого хочешь выбирай.

Фра Луиса вновь стошнило. Сангре поморщился, глядя на зеленовато-желтую желчь, стекающую по монашеской рясе, и попрекнул:

– Твоя негативная реакция на мои вирши ранила тонкие чуйства поэта до самой глубины его хрупкой нежной души. Да и священный долг гостеприимства обязывает. Короче, теперь я тебя, гада кусок, точно накормлю. Или ты вначале хочешь за некую донью с ее деньжатами побалакать? Тогда дело иное – ради разговора о бабах я готов даже еду в сторону отложить, – не дождавшись ответа, Петр презрительно скривился. – То есть собираемся молчать? Ну и дурак. Думаешь, какие-то тайны нам откроешь? Зря. Нам их давным-давно сама Изабелла рассказала. А попутно сообщила, что вы – посланцы сатаны. Правда, она уверяет, что сама, в отличие от вас, чиста пред господом, во что мне лично мало верится, но, учитывая твоё молчание... – он развел руками. – Словом, коль не получается сравнить ваши показания, остается во всем довериться ей...

Эспиноса, изумленно вытаращив глаза, что-то возмущенно выкрикнул.

Улан поморщился и нехотя перевел:

– Говорит, что она лжет.

Сангре хмыкнул:

– Ишь, как людей несправедливость возмущает. Даже инквизиторов, – он повернулся к монаху и упрекнул его. – Зря ты так грубо про Изабеллу. Не может она лгать, поскольку знает, что ее кузен после взятия Хриستمеля снова в наших руках. Так что все основное нам известно. Да, да, родной, мы уже знаем и о спрятанных сорока разбойниками-тамплиерами сокровищах, и о пещере магистра Али-бабы, в которой они сейчас находятся и которую вы так долго искали, и даже о заветном слове, позволяющем ее открыть. Это я, как ты понимаешь, говорю аллегориями, но ты – мужик умный и прекрасно понял, о чем именно речь, – и он весело подмигнул монаху.

Едва Улан закончил, как Эспиноса исступленно заорал:

– Найн, найн! – и вновь что-то возмущенно затараторил.

– Говорит, на самом деле не все так, как мы думаем и раз нам все равно известно о сокровищах и о долге и обязанности... – протянул он недоуменно, и неуверенно поправил себя: – о долгом обязательстве, то и он готов рассказать истинную правду, в том числе и о ней, и ничего не утаить, – перевел Улан и уважительно покачал головой. – Ну ты, Дон, сегодня превзошел самого себя. Как сюжет закрутил!

Петр крикнул, старательно убирая проступившую улыбку, и, повернувшись к инквизитору, сожалеюще посмотрел на шампур.

– Мяско остынет, – неуверенно протянул он. – А стоят ли какие-то несущественные подробности того, чтоб мы лишали себя удовольствия угостить тебя нашими изысканными блюдами, словоохотливый мулла?

Ответ фра Луиса напоминал пулеметную очередь, настолько монах торопился.

– Он умоляет его выслушать, – невозмутимо перевел Улан. – А еще он просит поверить именно ему, а не... – он запнулся, но после короткой паузы продолжил: – а не Изабелле.

– Ладно, я сегодня добрый, – смягчился Сангре. – Был бы ты каким-нибудь позорным брехунякой из украинских теленовостей, тогда другое, а порядочному инквизитору отчего не поверить. Давай, манерный, изложи, что там мы не знаем и за что ты сегодня будешь жрать приличную пайку.

Едва Улан закончил переводить, как фра Луис покосился на жадно пожирающих поджаренную человечину Локиса с Вилкасом, рвущих крепкими зубами свои куски прямо с прутьев, и что-то торопливо промычал. Судя по тону, это была просьба.

– Он просит вначале удалить палачей и... ногу вместе с мясом, – усмехнулся Улан.

– Запросто, – согласился Петр и сурово рявкнул на Локиса с Вилкасом. – А ну, народ, кыш отсель вместе с шампурами! Устроили, понимаешь, закусочную в исповедальне. Никакого почтения к пыточному делу, – он повернулся к монаху и продолжил: – А вот ногу, родной, как напоминание, мы на всякий случай оставим. И имей в виду, мерзопакостный, – дружески улыбаясь, погрозил он инквизитору пальцем. – Ежели ты опять попробуешь запираяться, то я приведу своих литвопитеков обратно, а они голодные, и придется тебе с ними поделиться... собой, – он пощупал ногу Эспиносы чуть ниже колена и удовлетворенно кивнул. – А ты ничего, упитанный. Точно наедятся. Но вначале оттяпают от твоего гнусного организма кое-какие ненужные органы! Это чтоб тебе плясалось хорошо, – и оценивающий взгляд Сангре, скользящий от ног к голове, красноречиво застыл где-то на полпути, давая понять, что именно он подразумевает под ненужными органами.

Фра Луис замотал головой, торопливо заверив, что скажет чистую правду, лишь бы они пообещали не отдавать его на растерзание этим диким людоедам-язычникам и больше не пытались накормить человечиной.

– Выходит, вы после своих костров еретиков выбрасываете?! – изобразил удивление Сангре. – А зачем тогда вообще их жарите? Это ж не рационально – столько дров истратить, а

мясо на помойку, – и он подвел итог. – Ну вы и дикари там у себя в европах. Впрочем, желание гостя, если он искренен, для хозяина закон: предлагать не стану. А дабы тебя не смущать, я и сам выйду. Но смотри у меня, мракобес. Едва ты начнёшь пудрить мозги, он, – Петр указал на Улана, – немедленно позовет меня, а сам уйдет. Ну а я, вернувшись вместе со своими гарными пригожими парубками, без лишних слов начну тебя откармливать и никакие твои рассказы не помогут, поскольку я из вашего дойча понимаю лишь Гитлер капут.

Он кивнул Улану. Тот перевел, жестко чеканя каждое слово. Монах вновь энергично закивал, явно соглашаясь на все условия.

– Действуй, старина, – бросил Сангре другу. – Кажись, клиент спекся. Давай, дожимай хмыря. А если его красноречие станет иссякать, ты пройдишь возле него и эдак задумчиво попинай наш муляж. Но легонько, а то как бы ляжка из сапога не выпала, и без того на честном слове держится, – и он, с сознанием качественно выполненной работы, направился к выходу, а к вечеру внимательно слушал Улана, вытянувшего из Эспиносы максимум возможного. А знал инквизитор немало...

Глава 6. Тайна золотого ключика

Судя по словам фра Луиса, сокровища действительно имелись, причем огромные.

– Если бы не твои слова насчет пещеры и сорока разбойниках-тамплиерах, он, может, и не раскололся бы, – отдал Улан должное Петру. – Да и про заветное слово ты упомянул гениально. В самое яблочко угодил. Кстати, он несколько раз предостерегал нас, говорил, что у храмовников проклятое золото и напрасно мы устремились на его поиски: добра от него ждать нечего.

– Давай, давай, не томи! – поторопил друга Петр. – Выкладывай, чего нарыл.

– Я для ясности буду сразу свои комментарии добавлять и то, что логически домыслил, – предупредил Улан и приступил к рассказу.

...Все началось где-то за пару лет до роспуска ордена. Именно тогда французский король Филипп¹², ободрав проживавших в его стране евреев, а заодно и ломбардцев, положил свой завистливый глаз на сокровища братьев-храмовников. Но поначалу, не желая делиться с римским папой – а ведь пришлось бы, иначе тот никогда не дал бы своего разрешения на арест и конфискацию имущества – он решил заранее изъять у тамплиеров их денежки.

Не далее как за год до начала решительных действий Филипп успел вытянуть из казны ордена кругленькую сумму в четыреста тысяч флоринов. Разумеется, займы на пару лет, причем под 12% годовых, то есть под обычный, а не льготный процент, выдав расписку почти на пятьсот тысяч¹³.

Произошла сделка благодаря главному казначею ордена. Улан, заглянув в свои записи, хотел назвать его имя, но Петр торопливо замахал на него руками, заявив, что всякие Жаны, Карлы, Франциски и Людовики сбивают его с мысли и мешают вникать в суть. И вообще ему за глаза хватает Эспиносы и Бони. Если Улану так нейдет, пускай назовет по имени главного магистра ордена – одного он выдержит – но не больше.

– Зря писал, – вздохнул Улан.

– Не зря, – возразил Петр, ныне в точности напоминая прежнего капитана российской полиции Сангре: подавшись вперед всем телом, он сосредоточенно слушал друга, не упуская ни единого слова. – Не зря, поскольку, как мне кажется, впереди еще один допрос и на нем мне твой листок очень и очень сгодится.

Улан недоуменно хмыкнул, обиженно посопел, не понимая, какие могут быть вопросы к инквизитору после *его беседы с ним*, но спорить не стал, послушно продолжив рассказ.

Оказывается, заполучив таким образом четыреста тысяч, король не уgomонился. Аппетит приходит во время еды и Филипп, выяснив, как обстоят дела с казной ордена, решил практически полностью выгрести ее, попросив еще шестьсот тысяч флоринов. А чтоб соблазн был как можно сильнее, удвоил процент, доведя его до ломбардского, одновременно увеличив срок отдачи до семи лет. То есть получалось, что одних процентов король должен был выплатить более семисот тысяч. А чего скупиться, коль отдавать не придется.

Но на сей раз казначей не рискнул действовать самовольно, тем более великий магистр Жак де Моле должен был вот-вот вернуться в Париж и проверить сделку в его отсутствие все равно не успевали. Филипп не унывал, зная жадность де Моле – должен соблазниться. Скорее всего, так оно бы и случилось, но к тому времени магистр уже знал о королевских замыслах, ибо через одного из тамплиеров, чей брат служил казначеем у римского папы, Жак де Моле успел получить известие о предстоящих обвинениях, приготовленных для ордена людьми француз-

¹² Имеется ввиду Филипп IV Красивый (1268–1314), король Франции с 1285 года.

¹³ Римский папа запрещал заниматься ростовщичеством, в том числе и рыцарским монашеским орденам, поэтому должник при отсутствии залога давал расписку сразу на ту сумму, которую (с учетом процентов) должен был вернуть.

ского короля. Поэтому первым делом, вернувшись в столицу Франции, в наказание за то, что казначей действовал через его голову и четыреста тысяч перекочевали к Филиппу, магистр выкинул финансиста из тамплиерского братства и отказался принять обратно, хотя за него ходатайствовал сам король. А письмо римского папы с просьбой о помиловании казначея, де Моле, по слухам, швырнул в огонь, не читая.

Что же касается нового займа, все оказалось сложнее. Давать займы деньги королю магистр не собирался, но отказать Филиппу просто так означало пойти на открытую конфронтацию. Это тоже нежелательно. Следовательно, требовалась веская причина для отказа. И тогда де Моле принял совет человека, который и привез к нему двумя месяцами раньше брата папского казначея.

– Это был рыцарь-тамплиер из небольшого португальского замка Эксемен де Ленда, – неспешно произнес Улан.

– Ну я ж просил, чтоб ты имена... – начал был Петр и, осекшись, уставился на друга. – Погоди, погоди. Уж больно знакомо звучит. А он случайно не...

Улан, усмехнувшись, кивнул.

– Случайно да. Он – кузен Бонифация, а Изабелле вообще приходится единокровным братом она тоже в девичестве была де Ленда.

– Так, так, и что там дальше? – поторопил его Сангре.

Улан усмехнулся, довольный произведенным на друга впечатлением, заглянул в свои записи и зачитал, в чем заключался совет Эксемена магистру. Суть его состояла в том, чтобы срочно избавиться от денег, отдав их займы, но, разумеется, не королю. Назвал де Ленда и имя человека, готового принять такую сумму.

Предлагаемый купцом процент был весьма низким, всего семь с половиной, а кроме того, сам он был... евреем. Однако подкупала его репутация. Овадья бен Иегуда славился во всем торговом мире своей безукоризненной честностью, поэтому на него можно было положиться. *Этот* вернет сполна, даже если король все равно затеет процесс против ордена и пройдет несколько лет, прежде чем они смогут потребовать свои деньги обратно.

Имелся и еще один немаловажный довод в пользу Овадья. Если Филипп каким-то образом и узнает, куда делось золото, отобрать его у бен Иегуды он не сможет. Добровольно тот ничего не отдаст, а тайно выкрасть самого купца из славного города Гамбурга, то есть с территории Священной римской империи, нереально. Действовать же в открытую, то есть отправить на его поимку вооруженный отряд, тоже чревато. Купец был солидным уважаемым членом Ганзейского союза, связываться с коим само по себе опасно. Кроме того, император Альбрехт I из рода Габсбургов, отличавшийся суровостью нрава, неуживчивый, угрюмый, но главное, весьма корыстолюбивый, навряд ли позволит Филиппу посягнуть на права своих подданных, добросовестно выплачивающих в его казну огромные торговые пошлины.

– Мда-а, – задумчиво протянул Петр и, не удержавшись, процитировал:

Везде, где слышен хrust рублей
и тонко звякает копейка,
невдалеке сидит еврей
или по крайности еврейка¹⁴...

Вот теперь, с появлением этого Оладья картина в камерке папаши де Моле с нарисованным очагом получила полное завершение. Конечно, обширно колышущаяся Хая выглядела бы несравненно лучше, но выбирать не приходится: согласимся на Оладью с его крючковатым

¹⁴ И. Губерман. «Гарики на каждый день».

шнобелем, благородными пейсами и стареньким лапсердаком. Да ты продолжай, продолжай, – спохватился он.

Улан вновь заглянул в свои записи и послушно продолжил.

Кто разработал схему вывоза золота, по которой целых полгода – с декабря по май 1307 года – сокровища тайно переправлялись в сокровищницу купца, точно неизвестно, да оно и неважно. Довольный бен Иегуда по мере поступления все новых и новых партий золота и серебра в его кладовые едва успевал выписывать одно за другим долговые обязательства. А в конце он обменял их кипу на одно общее.

Едва закончив многоходовую операцию по вывозу золота, магистр по собственной инициативе решил якобы смилостивиться над казначеем и принял его обратно в орден. Одновременно он известил короля, что не сможет удовлетворить его просьбу о займе – у самого ничего нет. Расчет был на то, что если Филипп решит перепроверить де Моле, казначей сообщит своему тайному покровителю то же самое, и тогда главная причина расправы с тамплиерами отпадет сама собой.

Уверенный в этом магистр даже поторопил ход событий. Узнав о подготовленных королем обвинениях и ужаснувшись их чудовищной нелепости и глупости, он сам потребовал от римского папы тщательного расследования, будучи уверенным в том, что очиститься от них ничего не стоит.

Но де Моле забыл про колоссальное количество имеющейся в собственности ордена недвижимости, в том числе и во Франции, равно как и про чудовищную сумму в полмиллиона золотых флоринов, которую королю рано или поздно пришлось бы отдавать. То есть выгоду от ликвидации ордена король все равно получал, и выгоду огромную. И стоило папе дать добро на проведение расследования, как незамедлительно начались аресты тамплиеров.

Лапу на главную казну ордена французский король наложил в тот же день, но... в подвалах башни царила пустота. Разве что в одном из сундуков отыскалось жалкая горстка серебра – тридцать три монетки. Началось расследование. Казначей на все вопросы виновато разводил руками: когда он повторно занял свой пост, сокровищница уже опустела. Более того, он осмелился напомнить Филиппу, что предупреждал его об этом ранее. Не желая, чтобы кто-то тыкал пальцем в его собственные ошибки, король, вдобавок взбешенный найденными тридцатью тремя монетами, явно намекающими на то, кем считает Филиппа сам магистр, озлившись, отдал его в руки инквизиторов (позже тот сгорел на костре вместе с остальными – предателей никто не любит) и велел своим людям искать, куда де Моле мог спрятать золото.

Тут-то и пригодились два ложных следа, организованных главой ордена по совету все того же Эксемена. Тамплиерские повозки с тяжелыми сундуками, груженными камнями, кирпичами и свинцом, исколесили в свое время чуть ли не всю Францию, изображая «вывоз золота» через Ла-Рошель в Англию, а наряду с этим его отправку из Марселя в средиземноморские страны. Естественно инквизиторы принялись гадать, какой из путей отправки истинный, не подумав, что они оба ложные, и потратили уйму времени на распутывание всех узелков и петель. Копали вместе со всеми прочими фра Луис и фра Пруденте. Кстати, именно они первыми пришли к выводу, что вывоз сокровищ ордена через Марсель – хорошо организованная липа.

Поиски изрядно затрудняло и то, что рыцари, связанные с подлинным вывозом сокровищ, упрямо молчали. Стоило же чуть понастойчивее потянуть какую-либо из перспективных ниточек, как она обрывалась. Так, взятый в жесткий оборот магистр тамплиеров провинции Франция, понимая, что дальнейших пыток ему не выдержать, наплевал на смертный грех и исхитрился покончить жизнь самоубийством. Точно так же позднее поступил английский магистр тамплиеров, а провансальский попросту умер по причине слабого здоровья. Еще трое из орденской верхушки вообще сумели ускользнуть от ареста. Разыскать их так и не удалось, хотя на поиски бросили лучшие силы инквизиции, включая самого Бернарда Ги.

Сам же великий магистр, пребывавший в подземелье королевского замка Жизор, ставшего государственной тюрьмой, оказался стоек в своем упорстве. В ответ на лицемерные призывы покаяться, вернуть золото и тем самым отчасти искупить свою вину, он презрительно улыбался или вообще плевал в лицо своим палачам.

Лишь через три года инквизиторы сумели выяснить, в чьих руках находится исчезнувшее золото – слишком резко вырос масштаб торговых операций Овадьи. И тогда французский король отправил к нему своих посланцев. Запретив упоминать его имя, он велел потребовать вернуть сокровища христианской церкви.

– И санкции, конечно, пообещал наложить, если не отдаст, – задумчиво протянул Сангре. – Слушай, не хочу оскорблять покойного, но вел он себя в этом деле как распоследний босяк на Привозе. Нет, хуже, как... пендосный президент, то бишь тупо, грубо и с наглой развязностью техасского ковбоя. А еще земляк Д'Артаньяна. Но ты продолжай, продолжай, старина...

Оказалось, бен Иегуда не просто ответил категоричным отказом. Он еще и торжественно поклялся, что никогда не брал в долг у рыцарских орденов, включая тамплиерский, но всегда пользовался услугами исключительно частных лиц. Кого именно? А это коммерческая тайна. Во всяком случае, вернуть занятые деньги вместе с немалыми процентами он намерен только тем, у кого находятся заемное долговое обязательство Овадьи.

Стало ясно, что поиски существенно осложняются: тяжело спрятать гору золота, а документ легче легкого. У кого же он может быть? Поначалу думали на главу ордена. Именно потому король и медлил с вынесением ему приговора, опасаясь, что вместе со смертью де Моле придется распрощаться и с золотом тамплиеров. Но тут не выдержали двое ближайших сановников великого магистра, томившиеся в соседних камерах. Изнуренные чудовищными пытками они, в обмен на обещание королевского милосердия (вместо сожжения на костре тюремное заключение) рассказали кое-какие известные им подробности о заемном письме.

Тогда-то и стало известно, что когда встал вопрос об обмене всех расписок купца на одно-единственное долговое обязательство, де Моле, скрепя сердце и памятуя о своем далеко не юношеском возрасте, внял рекомендациям советчиков и оформил его не на себя, а на безымянного предъявителя. Поначалу в силу своей подозрительности он держал документ у себя, но перед началом арестов глава ордена, предчувствуя недоброе, отправил обязательство на хранение. Кто его отвозил и кому? Но тут все как один разводили руками.

Однако, хотя ответа и не имелось, были догадки, благо, хватало и подсказок. Например, удалось выяснить, что на встречу с великим магистром брата папского казначея привез некто де Ленда – командор небольшого тамплиерского замка в Португалии. К этому факту следовало добавить и то, что сей крестоносец незадолго до разгрома ордена, как ни странно, оказался назначен магистром провинции Арагон. Странно, поскольку назначение произошло вопреки ясно выраженной воле короля Арагона Хайме II, писавшего де Моле о своем желании видеть на этом посту иного человека. Но глава ордена проигнорировал королевскую просьбу, предпочтя Эксемена.

Окончательную точку в выяснении имени нынешнего хранителя долгового обязательства поставил сам великий магистр. Незадолго до своей казни де Моле стал все чаще впадать в беспамятство и специально приставленный к нему человек, фиксировавший его бессвязные речи, записал слова, абсолютно точно указывавшие на Эксемена. Именно после этого магистра и отправили на костёр.

Увы, но де Ленды к тому времени давным-давно, почти три года, не было в живых. Кто ж знал, что у здорового на вид рыцаря в полном расцвете сил окажется слабое сердце, остановившееся в разгаре одной из пыток. Он умер, так и не подтвердив ни одного из многочисленных обвинений, которые ему предъявили инквизиторы.

На время розыск золота заглох. Точнее, его вели, но так, ни шатко, ни валко, больше по инерции, повторно дергая уцелевших арагонских тамплиеров из числа признанных невиновными и освобожденных из-под стражи. Разумеется, выбирали лишь тех, кто мог общаться с магистром провинции, либо в замке Валенсии, где тот держал оборону, либо находясь в королевской тюрьме. Таковых насчитывалось немало, ведь поначалу условия содержания крестоносцев были мягкими, а потому поиск оказался долгим.

Маленького и сухонького Иоанна XXII не зря впоследствии прозвали таровитым купцом на папском престоле. И впрямь, если б он не был римским папой, из него получился бы выдающийся торгаш-авантюрист. Достаточно вспомнить, что он и епископом-то стал благодаря собственноручно изготовленному рекомендательному письму, якобы написанному королем Робертом тогдашнему римскому папе. Когда подлог обнаружился было уже поздно – не отнимать же прилюдно тиару?

Узнав о зашедшем в безнадежный тупик расследовании и чертовски нуждаясь в деньгах, Иоанн вновь отправил к бен Иегуде очередных посланцев. Те, проинструктированные лично им, действовали куда хитрее первых: на самого еврея не выходили, чтоб не спугнуть, а пытались окольными путями добраться до его приходно-расходных книг. У них это получилось, и они выяснили, что два года назад Овадья выплатил по долговому обязательству на предъявителя свыше двадцати тысяч золотых флоринов. Кто был этим предъявителем – неизвестно, но стало ясно главное – Эксемен перед смертью успел передать кому-то документ.

Инквизиторы взбодрились и принялись работать с арагонскими тамплиерами гораздо энергичнее, благо к тому времени наметилось несколько основных подозреваемых. Кстати, Бонифация среди них не было – слишком молод, слишком незначителен, слишком прост – и разыскивали его, только чтоб допросить ради проформы. Но главные подозреваемые отпадали один за другим, ибо за последние годы никуда не отлучались из Арагона, а потому получить золото у старого иудея просто не могли. И фигура Бонифация стала привлекать все больше и больше внимания, особенно с учетом того, что его никак не могли отыскать. Исчез же он из Барселоны примерно за год до выплаты Овадье двадцати тысяч флоринов. А кроме того он – родственник Эксемена, его кузен.

Правда, поначалу инквизиторы допустили ошибку – подумали, что Бонифаций действовал лишь как исполнитель, а руководил им более опытный человек, его двоюродный дядя. Но епископ из Кагора – это слишком солидная фигура. Последовал запрос Иоанну – как быть? «Наместник Христа на земле» не колебался и велел привезти епископа в Авиньон. Там с ним провозились целый месяц, но хотя трижды в допросах принимал весьма деятельное участие сам папа, от старика так ничего и не добились.

Стало понятно, что произошла ошибка. Однако отпускать окровавленный кусок мяса на волю было все равно нельзя. Епископа спешно обвинили в чародействе и, желая скрыть следы пыток, проволокли на железных крючьях по улицам Авиньона, раздирая ему одежду и лицо. Когда человек превратился в грязную тряпку, пропитанную кровью, его бросили на костер, разложенный напротив папского дворца. Происходило это рядом со старинной церковью пресвятой девы Марии, символизирующей у христиан сострадание и всепрощение.

Пока костёр полыхал, Иоанн сурово заявил допустившим ошибку, что готов простить гибель несчастного виновникам его мук лишь при одном условии: следующий подозреваемый приведет их к золоту. Если же золота найти не удастся, то... Он не договорил, но весьма красноречиво устремил в сторону костра указательный палец.

Инквизиторов не зря прозвали псами господними¹⁵. Они умели не только подобно злобным бультерьерам рвать мясо с несчастных жертв, но и брать след получше иных борзых или

¹⁵ Вообще-то доминиканцами монахов прозвали из-за имени основателя ордена святого Доминика. А псами господними их стали называть из-за игры слов: *domini* – господь, *canis* – собака. Но если бы они не занимали ведущие должности в Святой

легавых. Настойчивый розыск молодого рыцаря привел их вначале в Италию, далее в Германию, а затем во владения ордена.

Глава 7. За и против

– О дальнейшем я и сам могу тебе рассказать, – перебил друга Петр. – Повязав несчастного Боню, они долго терзали его, требуя вернуть им долговое обязательство Овадьи. Но по его наивным ответам даже эти никому не верящие типы поняли, что его второе имя полностью соответствует его внутренней сущности и он впрямь Филя-простофиля. А так как на самом деле прошлое бывшего тамплиера никого не интересовало, они решили оставить его в живых в качестве приманки для его хитроумной и коварной кузины. Так?

– Не совсем, – твердо ответил Улан. – Бонифаций действительно ни в чем не сознался. Но я уверен: их с кузиной пребывание в Гамбурге в то время, когда кто-то получал у Овадьи часть тамплиерского долга, обычное совпадение, не более. И никакая она не хитроумная и не коварная, и вообще ни в чем не виновата. А инквизиторы лопухнулись в очередной раз, вот и все.

– Уверен?

– Абсолютно, – жестко отрезал Улан. – Мало ли что можно наговорить про человека. Кстати, этот Эспиноса в чем-чем, а именно в этом, в смысле в укрывательстве тамплиерского золота, ее не винит.

– Ну-у, это вполне естественно. Мы его, конечно, запугали, но не до такой же степени, чтобы он стал рассказывать явным конкурентам о золоте...

– Но другие-то грехи он на нее навалить на нее не постеснялся.

– И это понятно. Надо же логично объяснить, почему они за нею гоняются по всей Европе. А что за грехи?

Улан весело хмыкнул, сообщив, что если верить Эспиносе, то Изабелла чуть ли не организатор сатанинской секты. Он заглянул в свои записи и, найдя нужное место, ткнул в него пальцем.

– Вот, я пометил ради хохмы, что он наплел. Дескать, нарыли они, пока искали их по всей Германии, что она привлекает откровенных чернокнижников, на чьей совести уйма христианских невинных душ, включая сто тридцать детей из одного только города Гамельна. Разумеется, доказательств никаких. Лишь сомнительное свидетельство, что один из ее слуг похож на колдуна-флейтиста, обидевшегося за то, что магистрат города не уплатил оговоренную заранее сумму за очистку города от крыс и в отместку...

– Погоди, погоди, – перебил Сангре, задумчиво потирая лоб. – Помнится, в своем радужном беспортошном детстве мне уже доводилось читать нечто подобное. Слушай, а это случайно не легенда о Гамельнском крысолове?

– В точку, – подтвердил Улан. – Одна из сказок братьев Гримм. Правда, фра Луис уверяет, что это на самом деле произошло. У меня даже записано, когда: 26 июня 1284 года.

– А еще что?

– Если ты о крысолове, то ничего, – пожал плечами Улан. – А зачем? Да и некогда мне было про всякую ерунду слушать.

– Понятно, – кивнул Петр. – В принципе правильно – ты же не один из братьев Гримм. Мне они тоже не попадались в руки, зато балладу Браунинга, посвященную этому крысолову, я в детстве раз двадцать перечитал – очень уж необычно она звучала по сравнению с обычными русскими сказками. Мне и посейчас отдельные куски хорошо помнятся. Кстати, если Эспиноса уверяет, что загадочное происшествие действительно случилось, то в этом ему верить можно – всего-то тридцать четыре года прошло. Да и точная дата на раздумья наводит... Так, так... Про слугу, говоришь, инквизитор ляпнул? – и Петр с усмешкой процитировал:

Сам гость был тонок и высок,

Светловолос, но смуглолиц,
А взгляд – как сталь из-под ресниц!
И ни бородки, ни усов,
И непонятно, кто таков¹⁶.

– он чуть призадумался и подвел итог. – Мануэль под это описание никаким боком, а вот второй...

– Ты в своем уме?!

– А что? – пожал плечами Сангре. – Насчет роста не скажу, он лежал на полу, но точно не низок. И касаясь тонкости вполне, вполне. Тош аки глиста. Прямо тебе ходячая реклама летнего отдыха в Освенциме времен дядьки Шикльгрубера. Светловолос... Скорее сед, но ведь и времени сколько прошло. Насчет взгляда, как сталь, тоже затрудняюсь, глаза закрыты были, но смуглый. Бородка, правда, имеется, но за три с половиной десятка лет можно такую отрастить – Карабас-Барабас обзавидует.

– Это легенда, обалдуй! Да и стихи твои, не думаю, что в тринадцатом веке написаны, а, скорее всего, спустя пару веков, если не больше. Кроме того, ее слуге от силы пятьдесят, пускай пятьдесят пять лет. Или ты хочешь сказать, будто он – гений, в восемнадцать-двадцать лет ухитрился изобрести дудку и помчался ставить эксперименты над детьми из Гамельна? Да и вообще увести с помощью простой мелодии, наигрываемой на дудочке, уйму детей – это... просто несерьезно.

– Ну да, ну да. Но слуга действительно сжимал в руке некую штуkenцию, – напомнил Петр. – И помнится, она по форме и впрямь похожа на дудку, только выглядит необычно. Я, во всяком случае, кривых дудок раньше никогда не встречал. И судя по следам крови, он полз именно к ней, из последних сил зажал ее в руке, а спрятать как следует не смог, потеряв сознание.

– Так ты считаешь... – начал закипать Улан, но Сангре его перебил:

– Да не заводись ты ради бога. Просто сказал, что, судя по его поведению, загадочная дудка была ему весьма дорога, вот и все, а ты опять раздухарился. Лучше послушай меня, но вначале собери в кучу остатки своих гениальных мозгов, вконец расплывшихся от любовного жара. Смотри, что получается. Для начала непреложный факт: получение части золота у Овадьи. Кому он его выдал? Понятно, что человеку, приехавшему к нему в Гамбург. Но установлено, что из списка подозреваемых кроме Изабеллы с кузенком никто не выезжал за пределы Арагона.

– Да что ты из нее Мату Хари делаешь?! – возмутился Улан. – Запросто может оказаться, что человек, действительно получивший от Эксемена заемное письмо, вообще не фигурирует у инквизиторов в списке подозреваемых, а потому неизвестно, куда он выезжал и когда.

– Допускаю, – согласился Петр. – Но тогда поговорим подробнее о загадочном поведении нашей сладкой парочки, особенно женской ее половины. Меня, кстати, еще в Бизене, во время рассказа Бони, насторожила некая несуразность в поведении его сестрички, но я ей не придавал значения, а потом оно вообще выскочило из головы. Но здесь в Берестье ты сам об этом заикнулся, причем до того, как ее увидел, то есть когда еще был умным. Итак, предположим, Изабелла очертя голову ломанулась из Арагона со своим двоюродным братцем исключительно за-ради его спасения, хотя парня к тому времени давным-давно реабилитировали.

– Вполне естественно, – перебил Улан. – Она опасалась возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам. И правильно делала, кстати, поскольку инквизиторы – народ с прибабахами и никому неведомо, какая бешеная собака укусит их через месяц или

¹⁶ Р. Браунинг. «Флейтист из Гамельна». Перевод С. Михалкова.

через год. Между прочим, они даже мертвых еретиков не оставляли в покое. И тела их сжигали, и отпевать запрещали, и родне погребать не давали.

Петр равнодушно отмахнулся.

– Да не спорю я с тобой. Но почему ей было не отправить его одного?

– Родственники еретиков, чтоб ты знал, всегда входили в число основных подозреваемых, – нашелся Улан. – Вспомни-ка епископа из Кагора. Всего-навсего двоюродный дядя Бонифация, а что они с ним сотворили?

– Пусть так. Но тогда по любому раскладу ей бы осесть там же, в орденских владениях. Ну не в Христмемеле, он слишком близок к литовским границам, но в каком-нибудь другом городишке. Есть ведь на землях тевтонов обычные города, верно?

– Опасалась нового восстания диких пруссов, – неуверенно предположил Улан.

– Ладно, – согласился Сангре. – А почему она не осталась в Мазовии? Все-таки по соседству с братом, опять же среди единоверцев-католиков. Ан нет, деваха забралась аж в православное государство, очевидно посчитав, что там более безопасно. И это с учетом того, что инквизиторы, судя по словам твоего Вальтера, до прошлой осени на территорию ордена ни ногой. Получается, она заранее просчитала, что на сей раз все произойдет иначе. А почему?

– То есть как? – удивился Улан. – Она считала, что их будут искать и весьма старательно.

– Согласен, – кивнул Сангре. – Ничем иным ее поведение не объяснить. Но *почему* она так считала, если по твоим словам понятия не имела о сокровищах, дорогой Боня – тоже, и плюс усердно трудится, искупая свои несуществующие вины на благодатной ниве крещения язычников.

Улан ненадолго задумался и радостно выпалил:

– Перестраховка!

– Хорошо, допустим, – покладисто согласился Сангре. – Тогда второе, но не менее важное: вспомни-ка про особые полномочия монахов, содержащиеся в свитке, запечатанном личной печатью римского папы, то бишь перстнем рыболова. И третье: этим сыскарям, ничего не добившимся от Бони, был прямой резон закрыть дело и свалить обратно. Ан нет. Они срочно едут в православное государство договариваться о выдаче Изабеллы. Мало того, узнав, что она от них ускользнула, они не уgomонились, а ломанулись за нею в языческую, насквозь враждебную Литву.

Улан нахмурился, недоуменно глядя на Петра.

– А... при чем тут это, – неуверенно начал он. – Вполне естественно с их стороны. Она ведь женщина, подозреваемая в сношениях с дьяволом...

– О боги! – воздев кверху руки, взвыл Сангре: – О великий Перкунас! Верни моему другу пускай не весь былой разум, но хотя бы жалкую четвертушку! Старина, ты что, не понял, для чего я подчеркнул факт их особых полномочий?! Или ты считаешь, будто римский папашка каждой из своих ищеек дает индивидуальное поручение насчет поиска еретика? Это ж все равно, как если бы нам с тобой пару лет назад пришел личный приказ от министра МВД заняться расследованием непотребных делишек какого-нибудь вечного пьяного бомжа Кольки Суходрищева. Чушь! Абсурд! Такое возможно лишь при одном условии, если дело запахло немалым баблом лично для него самого. Только тогда он и особую группу создал бы, и приказец намалевал, и дело под личный контроль взял. Ну и подчиненным так хвосты бы накрутил, чтоб они до последнего землю рыли, даже если шансов на успех один на миллион.

– Сравнение хромает, – язвительно возразил Улан. – Она – не бомж, а из дворянского рода.

– Подумаешь! – фыркнул Петр. – Да таких сеновалов-сандалетов в Испании как собак нерезаных. Муж у нее не герцог и не графин, и сама она так, рюмка какая-то, пускай и хрустальная. Вдобавок вот тебе четвертый и жутко убойный аргумент. Ей бы радоваться, что кузена, угодившего в лапы коварных язычников, согласились выкупить, а она, едва узнав об участии в

этом инквизиторов, немедленно шлет к нам в Литву гонца и настоятельно просит его не отдавать, предлагая сумму втрое больше. Получается, Боня, похвалившийся ей об этом в письме, понятия не имел, чем сей выкуп для него обернется, а она знала. И пятое, но не менее убойное: вбухать такую сумму денег на выкуп еретика не лезет ни в одни ворота.

– Гривны же фальшивые были.

– Во-первых, полторы сотни настоящие, а во-вторых, уверен: распознай мы их жульство до выдачи Бони и они, извинившись, заменили бы свинец на чистое серебро, эквивалентное семи с половиной тысячам золотых флоринов. Это что за аттракцион неслыханной щедрости?! Вот и получается: при условии, что Изабелла – обычная ведьма...

– Она не ведьма! – зло рявкнул Буланов.

– Ой, Уланчик, я тебя умоляю, – сморщился Петр. – В конце концов разница между обыкновенной бабой и ведьмой только в том, что первая так и не научилась летать. А если она настолько минимальна, таки стоит ли возмущаться? – Буланов сурово засопел, и Сангре поправился: – Ну хорошо, коль тебе так хочется, давай станет именовать ее женщиной, подозреваемой в сношениях с дьяволом. Но суть дела от этого не меняется, и все перечисленные мною нюансы, при условии, что она никаким боком к тамплиерскому золоту, в эту картину никак не вписываются. Усек?

– Не усек, – покачал головой Улан. – Ты одно забыл. Сейчас средневековье, и доверять пускай сестре, но все равно женщине, следовательно, существу второго сорта, такую тайну...

– Это для других она второй сорт, – перебил Сангре, – а единокровный братец свою сестрицу знал хорошо и рассчитывал, что и она не подведет, и не подумает на нее никто. Кстати, господа монахи поначалу тоже думали за второй сорт, и потому даже сузив круг подозреваемых до двух человек, все равно поначалу прикатали за Боней. И во Владимир-Волынский они поехали с единственной целью: сделать Изабеллу приманкой в мышеловке, выманив ее в Мазовию. И лишь после того как сам Боня оказался в их руках они, выслушав его ответы, дотумкали, что мужик ни при чем. Уланчик! – взмолился он. – Ну ты же всегда был логиком. Я понимаю, любовь-морковь и все такое, но попробуй всего на одну минуточку допустить, что она действительно посвящена в тайну золота тамплиеров. Всего на минуточку, и тогда ты сам увидишь, как все необъяснимые факты начинают ложиться точно в масть.

– А зачем тогда они велели Сильвестру вывезти Бонифация и...

– Правильно, – перебил Петр. – Уразумев, кто на самом деле из этой сладкой парочки замешан, они поменяли их местами, решив сделать приманкой самого Боню и выманить ее в Мазовию, ну а там... А теперь специально для влюбленных тупиц конечный итог: эта Тортилла поможет нам до конца раскрыть секрет золотого ключика. Надо лишь как следует нажать на нее, и...

– Ты что, пытать ее решил?! – взвился Улан. – Или вознамерился, как этого козла, человечиною накормить?! Не позволю! И вообще, не смей ее называть Тортиллой!

– О как разошелся, – ошеломленно уставился на него Сангре. – Утомонись, родимый. Нервы надо тебе подлечить! – тоже повысил он голос. – Попробуй чертовски надежный способ: сочетание местного ядрёного алкоголя с падшими женщинами. Знаешь, когда тебя, пьяного в хлам, начнут с двух сторон эдак игриво покусывать и...

– Я уже спокоен, – зло огрызнулся тяжело дышащий Улан.

– Вот видишь, какие у меня эффективные рецепты, – поучительно заметил Сангре. – Едва рассказал про них и вмиг подействовало. А теперь отвечаю по пунктам. Я ж за ради друга готов на неслыханные подвиги: и обезьяну отымею, и даже пендосному президенту могу руку пожать, а посему обязуюсь отныне и навеки никогда не называть ее Тортиллой – исключительно Мальвиной. За человечину ты вообще зря подумал – я такого и в мыслях не держал. Она в любом случае не преступница, да и на встречу с нами приехала по доброй воле, так какие могут быть допросы с пристрастием, боже упаси.

– Тогда о чем ты собрался с нею говорить?

Петр сокрушенно покачал головой.

– Горько видеть, как бывший гений буквально на глазах превращается в олигофрена. Ты вспомни, зачем мы сюда прикатили? Да за выкупом. Вот я и хочу за него потолковать. Пойми, грех не направить наш славный дебаркадер поближе к такой огромной денежной горе. Извини, но пятнадцать тысяч золотых флоринов – не шутки. Нам хватит и на безбедную спокойную старость, и на такое количество пороха – десять островков на воздух поднимем. Ах да, островок без надобности, – поморщился он. – Ну ничего, все равно порох до зарезу нужен – для будущих пушек. И вообще, за такие бабки мы с тобой будем запивать водку шампанским, плавать в коньячных реках, сплевывать ромом и отрывывать вискарем или плохоньким самогонном, что в принципе, если судить по их вонючести, одно и то же.

– А когда выяснишь, что потом? – подозрительно уставился на него Улан.

– Потом суп с котом, – огрызнулся Петр. – Неужели непонятно? Отпускаем деваху на все четыре стороны. Более того, при необходимости еще и подсобим в поисках надежного убежища от этих авиньонских бандерлогов, согласно программе защиты свидетелей и всякое такое. Поначалу можно укрыть ее у Гедимины, а далее, учитывая, что она не чурается православных стран и даже отдает им предпочтение, друженько махнем куда-нибудь вглубь Руси.

Улан моментально оживился, повеселел и уточнил:

– Да и отсюда надо бы поскорее исчезнуть. Если этот фра Пруденте сумел заполучить от владими́ро-волы́нского князя целый вооруженный отряд, значит, запросто может взять у него войско и во второй раз, но побольше.

– Считаешь, оставшийся на свободе фраерок может пойти даже на штурм города?

– Когда на кону такие ставки, можно пойти на что угодно. Нет, нет, я по-прежнему не считаю, что деньги или заемное письмо у нее, но они-то уверены в обратном. И уходить лучше не позднее послезавтрашнего дня.

Но известие, что послезавтра надлежит выехать, донья Изабелла восприняла в штыки, бросившись уговаривать друзей повременить хотя бы пару-тройку дней, а лучше пять, иначе ее тяжело раненый слуга не выдержит дороги. А насчет осады Берестья они опасаются напрасно, поскольку...

И друзьям вновь пришлось удивляться ее здравой логике. Мол, как бы ни хотел инквизитор напасть на город, тех ратников, что у него сейчас имеются, для осады мало. Она, конечно, не видела, сколько человек за ними гнались, но не думает, что их насчитывалось больше сотни. Таким образом, чтобы раздобыть побольше воинов, фра Пруденте потребуется вернуться во Владимир-Волынский к князю Андрею. Туда и обратно – минимум двое суток. Ну и сбор воинов. На это тоже потребуется не меньше четырех-пяти дней. Вот и получается, что время терпит.

Друзья переглянулись, причем если в глазах Петра было просто уважение, то Улан аж надулся от гордости, словно он сам оказался таким умницей.

– А откуда вы, сударыня, взяли четыре-пять дней на сбор ратников? – усомнился Сангре.

– При мне князь их дважды против Гедимины собирал, – пояснила Изабелла, – вот и припомнилось.

Сангре вздохнул и согласно кивнул, не став возражать насчет задержки на несколько дней, но в душе твердо решил до конца разобраться во всем непонятном до выезда...

Глава 8. Подготовка к допросу

Еще утром Сангре обратил внимание на полное отсутствие аппетита у друга. Учитывая, что оно длилось вот уже третий день кряду, оставалось гадать, как его носят ноги. Попытки уговорить съесть ложечку за маму и за папу кончились ничем.

– Уланчик! Глядя на тебя, хочется пожелать здоровья по-военному!

– Это как?

– Троекратно. Ты глянь на себя в зеркало. Живой труп. Причем несвежий.

– А-а, – равнодушно протянул Улан.

Потеряв терпение, Петр рявкнул на него:

– Ешь мясо, чтоб ты сдох, тебе же нужно поправляться! Еще немного и тебя станет шатать ветром!

– Я что-то не хочу.

– Уланчик, ша! Твой друг лучше знает, хочешь ты кушать или нет, – и Сангре, помедлив, коварно добавил: – Между прочим, худоба тебе не идет. У тебя кожа сразу начинает обтягивать скулы, подло выставляя напоказ твои национальные корни. И оно тебе надо?

Улану оно было не надо и он, кривясь, заставил себя поесть, после чего торопливо устремился к донье Изабелле, якобы поучиться составлению лечебных мазей. Петр же направился на постоянный двор.

– Ну что, трактирная твоя душа. Собрал народ для разврата? – с порога озадачил он Бутрыма. Тот задумался. – Ладно, не парься, потом соберешь. Мне сейчас все равно деньги ляжку не жгут, – успокоил его Сангре. – Лучше поведай мне вот за какой вопрос...

Услыхав про дудку, тот поначалу изумленно вытаращил глаза и выпалил, что ничего похожего он не видел, и вообще господину она, скорее всего, померещилась. Твердые уверения Петра, что дудка была в руке у слуги, подействовали и Бутрим сменил пластинку, предположив, что ее, наверное, прибрал к рукам кто-то из постояльцев, успевших выехать. Но Сангре, глядя в блудливые глаза трактирщика, давно уверился в том, кто именно прибрал ее к рукам.

– Ох, плачет по чьей-то немой шее мой кривой ятаган! – вздохнул он и сурово предупредил: — Значит так, человек я прямой, как штопор, нежных чувств к тебе скрывать не стану и сейчас распахну перед тобой горизонты светлого будущего посредством испанского мозолистого кулака. А посему, старина, лучше добровольно покайся в присвоении чужого имущества и тащи сюда поскорее сей музыкальный инструмент, пока мы с тобой не сошлись в глубоком консенсусе, ибо тогда будет поздняк метаться, – и видя, что Бутрым с отупелым видом соображает, что такое ятаган, штопор, консенсус и прочее, заорал: – Дудку отдай, а то чучу намандрючу!

Трактирщик испуганно вздрогнул. Концовку последней фразы он тоже не понял, но, имея большой жизненный опыт, догадался, что чуча явно является какой-то частью его тела и обещанное весьма болезненно в ней отзовется.

– А может ее кто из моих к рукам прибрал, – сделал он задний ход. – Она ж серебряная, вот и польстился.

– Было б на что, – хмыкнул Петр. – Она лишь сверху серебром слегка покрыта и все, а умирающему дорога как память о босоногом детстве, когда он невинным пастушком бродил со своими овечками по горам знойной Андалусии и... Как? – нахмурился он, прервавшись. – Ты еще здесь?! – но, вовремя вспомнив, что если к кнуту добавить пряник, получается гораздо эффективнее, смягчил тон. Мол, забыл сказать, что благородная донья в своей неизбывной щедрости объявила награду за ее находку, а потому...

И Сангре выложил на стол серебряную гривну. Из настоящих. Увидев такое богатство, Бутрым, торопливо накрыв небольшую продолговатую палочку своей заскорузлой здоровен-

ной пятерней, заявил, что сам организует ее розыск. Благородный лыцарь может не сомневаться – не успеет он выпить и двух кружек замечательного пива, кое варят у него и больше нигде, как пропажа сыщется.

– Нефильтрованное поди, – буркнул Петр и вздохнул. – Эх, попадешь в ваш век, поневоле научишься пить всякую гадость. Давай, тащи свою «Золотую бочку».

– Бочку?! – ахнул корчмарь.

– Пока кружечку, – уточнил Сангре. – Пробовать буду.

Пиво оказалось действительно нефильтрованным, но недурственным, и Петр с удовольствием влил в себя первую кружку. Вторую не успел – возле его стола вновь нарисовался Бутрым. В руке он держал ту самую странную дудку, кою Сангре незамедлительно упрятал за пазуху.

Итак, первая часть намеченного плана оказалась успешно выполненной и можно приступить ко второй – еще разок потолковать с Эспиной. Отчего-то Петр был уверен, что инквизитор, если его умело подтолкнуть, поведает об Изабелле массу интересного.

Выдернуть Улана, не на шутку увлеченного совместным с доньей составлением мази для раненого слуги, стоило немалого труда. Пришлось пообещать ему, что забирает ненадолго и от силы через час тот сможет вернуться к увлекательному занятию по изучению основ средневековой медицины.

Извлеченный из подклети и доставленный во вчерашнюю комнату фра Луис, с опаской поглядывая на Сангре и суетившихся подле печи вчерашних людоедов, безропотно написал внизу на последнем листе вчерашних записей все, что от него требовалось: «С моих слов записано верно. Ручаюсь за истинность предоставленных сведений». И не просто подписал, но и приложил к сему листу выпачканный чернилами большой палец.

– Во-от, – удовлетворенно протянул Сангре. – Как я понимаю, ты готов трижды поклясться на библии в синагоге в присутствии муллы и двух браминов, что все, тобой сказанное, истина в последней инстанции?

И вновь уловив суть вопроса, монах торопливо закивал, не дождавшись перевода.

– Очень хорошо, – кивнул Петр. – А теперь, Уланчик, переведи этому шейху, что мы свое обещание насчет человечины держим честно, но требуем того же и от него, то бишь и в будущем излагать о всех замыслах и ходах своего старшего наставника, – и, обращаясь к Эспиносе, вкрадчиво промурлыкал: – А насчет греха предательства можешь не заморачиваться. Да ты сам посуди, Люсьен, ты ж ничем не обязан этому перцу. Скорее, он тебе, особенно после того, как учинил несусветную подлость, недрогнувшей рукой бросив тебя под гвардейскую танковую дивизию РККА в нашем лице, верно? А потому совесть твоя остается чистой, как у индуса после купания в священных водах реки Ганг.

Инквизитор, не дослушав до конца перевода Улана, торопливо замотал головой, залопотав что-то в ответ. Дескать, он не отказывается, но у него не появится такой возможности, ибо фра Пруденте весьма скрытен и редко рассказывает о задуманном.

– Придется поведать тебе, Люся, как правоверному баптисту, одну притчу, – вздохнул Сангре. – Суть ее такова: водится в Африке, во центральной ее части, носорог. Это огромное и очень сильное животное и шкуру его ничем не пробить, но оно плохо видит, поэтому когда куда-то бежит, сносит все. Но это не его проблемы, а тех, кто стоит на его пути. Для особо тупых уточняю, что носорог – это мы, а стоящий впереди него – ты, посему делай выводы. Можно и еще проще: как добывать информацию – твои проблемы, но при ее отсутствии затопчем на раз, то бишь отправим бумаженции, – потряс он листами с протоколом допроса, – в рейхсканцелярию твоего пятьдесят седьмого Ванятки. И поверь, что выколотые вилкой моргала и горячий паяльник в глубине твоей пятой точки станут только начальным этапом твоей долгой и тяжелой дороги к искуплению агромадных грехов перед твоим главным муфтием. Но

если станешь добросовестно стучать нам на всех и вся, мы сумеем защитить твою эфемерную девственность.

Прослушав на удивление краткий перевод пламенной речи от Улана, фра Луис умоляюще прижал руки к груди и разразился длинной тирадой. Улан неодобрительно смотрел на него, наконец, махнул рукой, оборвав на середине, и кратко перевел Сангре:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.